

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПАЛАЧИ И ГЕРОИ

Сергей Зверев

Сергей Иванович Зверев
Палачи и герои
Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33177191
Палачи и герои: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-092852-1

Аннотация

Конец Великой Отечественной войны. На Западной Украине орудуют банды оголтелых националистов. Направляемые немецкими спецслужбами, они уничтожают мирное население, жгут дома, рыщут по лесам в поиске партизан. Активнее других действует шайка яркого бандеровца по кличке Дантист. Непримиимый враг советской власти, он воюет с ней всю свою жизнь. На ликвидацию опасного врага направляется отряд капитана Ивана Вильковского. Оперативник понимает, что в открытую Дантиста не взять. Тогда он разрабатывает операцию, в которой в качестве наживки решает использовать одного из близких соратников бандита...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	59
Глава 9	64
Глава 10	69
Глава 11	76
Глава 12	82
Глава 13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Сергей Зверев

Палачи и герои

© Рясной И., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Дантист взметнул руку и два раза нажал на спусковой крючок. Грохот револьверных выстрелов. Отчаянный крик. Возникший в конце коридора враг рухнул на колени. Его тут же втащили за руки в операционный зал банка.

– Пан Ковган! Говорит начальник полиции Кракова. Бросайте оружие, и я обещаю вам жизнь! – послышался тонкий неприятный голос.

«Жизнь. Всего лишь жизнь, – зло усмехнулся про себя Дантист. – Этого слишком мало».

– Своей жене-шлюхе обещания давай! – крикнул он, дрожащими пальцами вставляя в барабан нагана новые патроны.

Все как-то не так пошло с самого начала. Будь его воля, он бы отменил акцию. С раннего утра, когда экспроприаторы только готовились выступить к месту проведения акции, проверяли оружие, в очередной раз согласовывали порядок действий, у него внутри стало тоскливо и пусто. И дело не в страхе перед боем – от него он избавился давно. Дело в дурных предчувствиях. Но старшим был не он, а Довбуш – теперь тот лежал, нашпигованный полицейскими пулями, в зале. А Дантист отсчитывал последние мгновения своей жизни, прижавшись к стене в глухом коридоре.

А все задумывалось иначе. В филиале банка «Варшавский траст» именно сегодня скопилась внушительная сумма для

расплаты с сельхозпроизводителями. Зайти, положить всех на пол, прострелить ноги управляющему, если тот начнет упираться, взять ключи от хранилища – и дело сделано.

Рекогносцировку проводил лично Дантист. Составил план банковского операционного зала, других помещений, а также схему отхода – всего две улицы отделяли это место от Еврейского квартала и старого города, где легко затеряться и отсидеться.

Меньше десяти минут назад Дантист поднялся по гранитным ступеням солидного банковского здания, подмигнув поддерживающим античный портик мраморным атлантам. Сухощавый, поджарый, стриженный под бобрик, с изрезанным ранними морщинами лицом, он походил чем-то на гончую собаку. На нем были модные светлые брюки, белоснежная рубашка, синий галстук, на голове – фетровая шляпа. Просторный твидовый пиджак с расширенными плечами скрывал два старых добрых нагана за поясом.

Он на миг застыл перед широкими дубовыми дверьми, на которых висела табличка: «Закрыто на обед». Толкнул незапертую дверь – по обыкновению, на перерыв она не закрывалась – и зашел внутрь. Трое бойцов последовали за ним.

Его сразу насторожила гулкая тишина. В просторном помещении операционного зала с богатой лепниной потолков, плакатами, рекламирующими привлекательные банковские проценты на текущий 1937 год, за массивными резными дубовыми стойками находились трое клерков в белых рубаш-

ках и нарукавниках. Обычно во время перерыва люди жуют бутерброды, смеются, делятся сплетнями. А тут – гробовое молчание.

– Назад! – крикнул Дантист. – Засада!

Но было поздно.

Со всех сторон – из кабинетов, подсобки – посыпались люди в полицейской форме и штатском, с пистолетами и карабинами. И у клерков тоже в руках револьверы. Снаружи взвыла сирена.

– Полиция, бросить оружие! – послышался повелительный крик.

Зря полицейский горло рвал. Головорезы из команды Дантиста никогда не бросали оружия.

Захлопали выстрелы. Опытный экспроприатор Грант, побывавший не на одном горячем дельце, рухнул, сраженный наповал. Матерый Довбуш катался по полу в крови и выл в голос. А вот новичок Балабан удачно махнул за стойку, пытался отстреливаться, но шансов у него не было.

На улице ревели моторы – это съезжались полицейские машины. Дань прогрессу, чтоб их разорвало! Похоже, здесь собралось все полицейское управление.

Дантист ринулся напролом. Метким выстрелом уложил полицейского агента в штатском и скользнул в боковой коридор с вывеской: «Только для работников банка». Там шла лестница наверх, и можно попасть в какой-нибудь кабинет и попытаться выбраться из окна. Может, полицейские не до-

думались устроить сплошное окружение банка.

К сожалению, полицейские оказались предусмотрительными. На единственном окне в коридоре была массивная решетка. А проход на лестницу наглухо перегораживали запертые массивные двери, которые без взрывчатки не взять. И вот Дантист в ловушке.

– Мы сейчас бросим гранату, – надрывался начальник полиции. – И ты прикусишь язык навсегда!

– Всем вам сдохнуть! – Дантист стоял, прислонившись к стене, и ощущал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. – Я не сдамся!

Он им покажет! Он будет рвать их зубами! Даже смертельно раненный дотянется до глотки того тонкогоголого ублюдка. Ярость кипела и стремилась к выходу. Но выхода не было. Он перекрыт тяжелыми дверьми.

Дантист сполз по стене, присел на корточки, сжимая в правой руке револьвер и положив рядом с собой второй. Он будет биться!

– Ковган, ты погибнешь зря! – не успокаивался начальник полиции – и как только берут на такие должности с такими гнусными голосами. – Выходи!

«Зря»... Это короткое слово ножом пронзило душу Дантиста. А ведь действительно – не будет поверженных врагов, красивой смерти. Он погибнет как дурак, продырявленный осколками. Бессмысленно. Не завершив борьбы, которой отдал всего себя. А пока он жив, у него остается шанс на то,

чтобы вернуться в дело.

– Я выхожу, песья кровь! – крикнул Дантист.

Он поднялся. Пошатываясь, побрел по коридору. Бросил на пол оба револьвера. Поднял руки. И шагнул в зал, ловя на себе напряженные взгляды, ожидая, что у кого-то не выдержат нервы и в него сгоряча выпустят пару десятков пуль...

И вот следственная тюрьма, где его держали в одиночке. Охрану тюрьмы усилили – из-за опасения штурма, что ли? Из четверых налетчиков остался в живых еще Балабан, человек в деле случайный, знавший мало. Поэтому полиция мертвой хваткой вцепилась в Дантиста.

– Может, поведаете старику, по чьему приказу вы планировали эту акцию, уважаемый пан Станислав, – журчал словами похожий на доброго булочника толстый следователь с добродушной улыбкой на лице и холодными глазами. Развалившись в широком дубовом кресле в кабинете для допросов при тюрьме, он, по обыкновению своему, направлял в лицо допрашиваемому луч лампы, чтобы ни одно дрожание ресниц не укрылось от его взора.

– Какой приказ? – упорно стоял на своем Дантист. – У меня не было денег. Случайно познакомился с теми тремя. Решили поправить свое материальное положение, потому что в этой стране мы никому не нужны.

– Бросьте, Дантист. Вы уже не первый год состоите в боевой ячейке так называемой Организации украинских националистов. На вашей совести еще несколько нападений и

убийств.

– Чепуха! Я всегда был честным гражданином своей страны. Воевал за нее с русскими. И брошен этой страной на голод и прозябание. Я хотел лишь взять свое, что мне задолжала Польская Республика. Ни в какой организации не состоял. И я не Дантист, не доучился на него. Я простой страховой агент, да и то в прошлом.

– Вас казнят, пан Станислав Ковган. И это прискорбно – вы мне симпатичны. Но вы убили одного полицейского и ранили другого. Подозреваетесь в налете еще на один банк и коммерческое предприятие. Единственный ваш шанс – признаться в том, на кого работали.

– Я отчаялся на роковой поступок, потому что голодал. Я не состоял никогда ни в какой организации. Мне больше нечего сказать.

Дантисту выделили государственного защитника. Энтузиазма у того не наблюдалось. Он твердил подзащитному, как неразумному дитю:

– Шансов остаться в живых у вас немного. За такие преступления в Польше расстреливают. Так что следовательно дело говорит. Признавайтесь.

– Я уже все сказал. Других признаний для вас у меня нет...

Глава 2

За дедом пришли морозной январской ночью 1937 года. Сотрудники НКВД были строги, но тактичны и прятали глаза. Обыскивали дом без усердия, не переворачивали, как это принято, все вверх дном. Казалось, они сами не рады своей роли.

Деду, всегда спокойному и уверенному в себе, и на этот раз не изменило самообладание.

– Ничего, внук, – уже в прихожей перед выходом он потрепал по плечу подавленного Ивана – тот уже вымахал на полголовы выше его. – Они ошибаются. Разберутся и отпустят.

– Не виноваты – отпустим, гражданин Вильковский, – буркнул старший. – Советская власть справедлива.

– Вот именно, внук. Справедлива.

Иван в свои семнадцать лет не мог осознать до конца произошедшего. Его дед обвинен в чудовищных преступлениях – связи с троцкистами, шпионаже на польскую разведку. Отец Ивана, комсомольский вожак и отважный воин Казимир Вильковский, погиб в бою с беляками за Хабаровск в 1922 году. Мальчишку воспитывал дед. И воспитывал правильно.

И теперь в их большом деревянном доме на окраине Хабаровска прописались незваные постояльцы – тоска и отча-

ание. Мама зачастую подолгу сидела, невидяще глядя в окно. Старшая сестра Чеслава, всегда веселая и задорная, теперь ходила словно потерянная. О дяде Виславе и говорить нечего – он переживал за отца и постоянно ждал, что придут за ним самим. Возвращался из своего райкома, где занимал ответственный пост, опустошенным и приговаривал:

– Ну вот и еще один день прожили, племяш...

Тетя Лиза была испугана, но это ей присуще. Лучше всего себя ощущали восьмилетние двоюродные брат и сестра Ивана – Любомир и Светлана. По малолетству они считали жизнь иногда пугающей, но в целом забавной игрой.

Что творится за крепкими стенами тюрьмы НКВД – не было известно никому. На свидания к деду не пускали.

Шел 1937 год. Гремели процессы над врагами народа. В Хабаровске не прекращались аресты партийцев и хозяйственников. «Ежовые рукавицы» – этот газетный термин означал, что нарком внутренних дел Ежов задушит гадюку контрреволюции железными руками.

В свои шестнадцать Иван в политике разбирался лучше многих взрослых – спасибо деду, но не так глубоко, чтобы понять все перипетии. Но одно знал точно – его дед, старый большевик Лех Вильковский, не виновен ни в чем.

Дед контрреволюционер – это звучало так же убедительно, как корова с крыльями. Ведь именно он, не жалевший время на общение с внуком, всегда твердил:

– Иван, самое главное богатство, которое у нас есть, – это

наше советское государство. Наша страна – первая в мире, созданная трудящимся человеком для трудящихся людей. И наша жизнь ничто перед жизнью нашего государства, воплощенного такими героическими усилиями, которых не знал мир.

Иван впитывал эти слова как губка. Ведь дед всегда подтверждал их делами.

Лех Вильковский был человеком невероятной судьбы. Из обедневшего польского дворянского рода, в начале девяностых годов девятнадцатого века он отметился в движении националистов, мечтавших на обломках Российской империи построить Польшу от моря до моря. В них он быстро разочаровался и примкнул к социалистам. После окончания в Санкт-Петербурге Института корпуса инженеров путей сообщения работал в Малороссии на паровозном заводе, инженером-путейцем. Подбивал рабочих на стачки, за что был выслан в Сибирь. Потом, вернувшись в Варшаву, примкнул к левым эсерам. Колесил по Российской империи, участвовал в покушениях на градоначальников и полицмейстеров, в стычке был тяжело ранен. Переосмыслил свое отношение к индивидуальному террору и сошелся с большевиками. В революцию 1905 года снова был ранен и отправлен по решению суда в ссылку в Забайкалье. А могли бы и повесить – тогда военно-полевые суды жалости не знали. В Иркутске продолжил подпольную работу. Устанавливал советскую власть. Был заместителем руководителя правительства

Дальневосточной Республики. Партизанил, борясь в Забайкалье с отрядами атамана Семенова и японскими оккупантами. Его пытали в колчаковской контрразведке. Он бежал, выжил – и снова в бой. Близко знал командира Забайкальских партизан героического Сергея Лазо, которого белоказак живьем сожгли в паровозной топке. Сыграл немалую роль в ликвидации бандитской республики в Приамурье, где верховодила известная Мурка – дочь бывшего генерал-губернатора. Встречался с Лениным, Дзержинским, Сталиным. Неплохо знал Фрунзе. Ну и Каменева с Троцким, что теперь выходило ему боком.

В середине двадцатых годов дед три года руководил ОГПУ Дальневосточного края. Потом партийная работа, откуда сбежал – надоела вечная фракционная борьба. Долгие годы мечтал об инженерной деятельности и ушел трудиться начальником Управления железной дороги. Переболел тифом. Выжил, но здоровье было подорвано. Преодолея себя и уже пятый год являлся главным инженером Хабаровского судостроительного и ремонтного завода имени Кирова, где производили подводные лодки. Член бюро крайкома, он считался боевым резервом ВКП(б).

В Хабаровске деда знали и любили. Он часто выступал перед рабочими, военными, школьниками на тему победного шествия на Дальнем Востоке советской власти. Его наполненные подробностями и юмором истории пахли не типографской краской агитационных плакатов, а потом и кровью

истинных героев. Сейчас ему и это припомнили – посчитали его иногда вольные высказывания антисоветской пропагандой.

В апреле семье Вильковских удалось добиться свидания. Мать уговаривала дядю не идти – он и сам под угрозой. Но тот отмахнулся:

– Чтобы я к родному отцу не пошел! Пускай потом расстреляют!

Заводили их по одному. Иван был последним. В узком темном помещении, куда его привел конвоир и встал за спиной, состоялся тяжелый разговор.

– Запомни, внук, – устало произнес дед. – Я ничего не признаю. Ни на кого не показал. Партия разберется. А не разберется – ну так тому и быть.

Всегда моложавый дед теперь выглядел старше своих семидесяти лет. Иван заметил кровоподтеки на его шее и царапины на губе. Деда там что, пытаются?! Это не укладывалось в голове! Но ироничный бесенок все так же горел в глазах старика. И Иван понял, что ничего не кончено.

– Больше свиданий не добивайтесь, обо мне не узнавайте, – твердо произнес дед. – Так надо.

Иван кивнул, точно зная, что это указание не выполнит. Дела по изменникам Родины рассматривались быстро. Но дед сидел несколько месяцев, а решение все откладывалось. Хотя лучше уж так. Иван иногда просыпался в холодном поту, ему казалось, что сейчас громом зазвучат слова: «Рас-

стрелян как враг народа».

Поздним теплым майским вечером в дверь дома постучали. Мать вздрогнула. Она теперь панически боялась ночных визитеров.

За дверью стоял дед – с котомкой, осунувшийся, небритый, но полный энтузиазма.

Иван бросился к нему на грудь и заплакал. Не плакал он с пяти лет, когда дед сказал: «Мужчинам слезы не к лицу. Для этого у нас Чеслава есть». А теперь не мог себя сдержать.

– Что за потоп? – усмехнулся дед. – Я же говорил – разберутся. Вот и разобрались.

Деда восстановили на работе, вернули служебную машину, и все вроде стало, как прежде. Только однажды вечером, в его кабинете, при свете настольной зеленой лампы, Иван будто в холодную воду бросился:

– Дед, где была наша народная власть, когда тебя били в НКВД? Тебя! Героя Гражданской!

– А может, тебе еще и рай на земле подать, внук? Справедливость – это мы. И верность долгу – это мы. И наша страна – это мы. И на партию зла не держи – она все, что у нас есть. Лес рубят – щепки летят. А леса гнилого немало. Так что забудь. И живи, как жил. Правильно живи. И помни – машина государства может давать сбой, может перемалывать своих. Одного она не может – это остановиться в своем движении в будущее. И мы должны двигать ее вперед, даже топя кочегарку углем наших тел. И оставь ты эти бурные эмоции – от

них, знаешь ли, заводится ржавчина сомнений.

Дед был инженером до мозга костей, и сравнения его были из этой области. Он всегда долдонил, что государство – это гигантская сверхсложная машина. И люди – это мельчайшие детали. Каждый должен быть на своем месте и в максимально работоспособном состоянии. Труд и упорство могут сделать из тебя более важную деталь, но не для того, чтобы ты жрал в три горла, а чтобы выполнял более сложные и ответственные движения.

И Иван делал все, чтобы стать в будущем полезной деталью. Если не приводным ремнем, то серьезной шестеренкой в передаточном механизме. Являясь натурой цельной, он умел ставить ближние и дальние задачи. И ступив однажды на свой путь, не сворачивал с него. В десять лет на вопрос, кем хочешь быть, он твердо ответил:

– Красным командиром. Артиллеристом. Пушки большие и громкие. То, что надо, дед!

Правда, привязанность к пушкам не выдержала испытания временем. Но уверенность в командирском будущем никуда не делась. Постепенно он четко сформулировал причину такого своего решения – СССР во враждебном окружении. Главная задача – защитить его от врагов. Остальное все приложится – страна освобожденного труда горы свернет, если империалисты оставят ее в покое хотя бы на несколько лет. Но ведь не оставят. И дед говорил:

– Иван, буржуй пойдет на нас. Скоро пойдет. Мы ему

кость в горле. Надо готовиться.

И Иван готовился. Ему стукнуло одиннадцать лет, когда он решил, что беззаботное детство закончилось и отныне он не принадлежит себе. Пора работать на полную выкладку. Совершенствовать себя. Свободное время – это для тех, кто не имеет цели и готов смириться с ролью ржавой шестеренки. Время не ждет. История спрессована как никогда.

Ему хронически не хватало времени. Он вертелся в дикой круговерти – школа, самообразование. А еще общественная работа – без нее человек не может считаться полноценным членом общества. Спорт – в одиннадцать лет он начал заниматься боксом. Военные дисциплины – это ОСОАВИАХИМ. И все должно быть на пятерку. Плохо выполненная работа – это поражение. А к поражениям привыкать нельзя. Только дашь себе слабину – и ты никчемн и незащищен.

У него получалось все. Помогали природные память, сообразительность и отменное здоровье. Отличник в школе. К четырнадцати годам – чемпион области по боксу среди юношей. Признанный комсомольский вожак.

После семилетки Иван объявил, что пойдет в депо учеником. СССР – государство рабочих и крестьян, и он должен узнать рабочий труд. А учиться можно и вечерами.

Работа у него сразу заладилась. Он унаследовал от предков способности к технике. И в рабочий коллектив влился моментально – пацана признали своим даже матерые работники.

Иван всегда консолидировал вокруг себя неравнодушных людей и колеблющихся. Будучи избран секретарем комитета комсомола депо, он стал настоящим комсомольским вожаком. И дел они наделали немало, охваченные единым порывом сделать жизнь лучше и правильней. И очень серьезно воспринимали слово «надо». Надо оказать помощь деревне – окажем. Лесные пожары – комсомольцы в первых рядах добровольцев-пожарных. И пусть у Ивана остался после того приключения уродливый след от ожога на руке – но ведь так было надо.

А иногда надо идти наперекор сложившимся отношениям. Тому, что мешает жить так, как положено людям Страны Советов. Дальний Восток – нравы там были бродяжки, всегда туда ссылались каторжане, так что уголовные традиции были стойкие, да и шпана не давала продохнуть. И кто будет вытаскивать из этой ямы пацанов, показывать, что есть лучшая доля? Кто будет ставить на место зарвавшихся негодяев? А на что комсомол? На что боевая ячейка железнодорожного депо?

То, что жизнь – это борьба порой насмерть, Иван узнал быстро. Однажды его чуть не убили. Комсомольцы в рейде изобличили кладовщиков и рабочих в кражах со склада. И вечером, после работы, в укромном месте, за депо, к Ивану подкатили трое с ножами, по повадкам – из блатных:

– Ты же нам всю малину обгадил, комсомолец.

Уложил семнадцатилетний подросток троих взрослых

мужчин с трех ударов. Правда подставился – бандитская финка оставила на предплечье глубокий порез. А уголовников он сдал в милицию. Без каких-либо сомнений. Что, неписанные местные каторжанские правила такого не одобряют? Так они не для него. Он советский человек.

Время было такое, когда молодежь грезилась о небе и самолетах. Но Ивана никогда в небо не тянуло. Он чувствовал там себя открытым со всех сторон. Однажды в аэроклубе его прокатили на учебной хлипкой этажерке У-2. Ступив после полета на подрагивающих ногах на земную твердь, он резюмировал:

– Нет, это не мое!

Зато стрелял мастерски, и на лацкане его куртки по заслугам светился значок «Ворошиловский стрелок». Освоил на отлично пехотные премудрости, преподаваемые допризывной молодежи. Вот такая полевая работа ему нравилась. Ощущение местности, направлений, расчет своих действий и замысла противника – в этом было какое-то упоение.

В конце мая 1938 года седой военком вручил Ивану направление в Казанское пехотное училище имени ЦИК Татарской АССР. Парнишка рассчитывал на знаменитое Омское пехотное имени Фрунзе, но у военкомов свои соображения, обычным людям недоступные.

На прощание военком в своем кабинете крепко пожал Ивану руку со словами:

– Ты создан для этого, сынок. Только не наделай глупо-

стей по молодости – там жизнь строгая. И когда-нибудь я буду горд тем, что выписал тебе это направление...

Глава 3

История с налетом на банк «Варшавский траст» наделала много шума. Фотографии Дантиста за решеткой помещались на первых полосах газет. С воли ему передали через продажного конвоира весточку: «Молчи. Мы спасем тебе жизнь, брат и соратник».

У него теплилась надежда на эту помощь. Но она рассыпалась в прах, когда 29 июня 1937 года похожий на грифа-стервятника судья Краковского окружного суда, не глядя на подсудимого, сидящего на узкой деревянной скамье в окружении толпы конвоиров, объявил приговор:

– Смертная казнь.

Сперва Дантист с нездоровым равнодушием воспринял его. Будто не понял, о чем речь. Словно говорили не о нем. А в тесной одиночной камере с узким окошком под потолком навалилось даже не отчаяние, а непомерная тяжесть.

Судья своими словами подвел черту, отнял будущее. Теперь оно ограничено несколькими неделями. И, осознав это, Дантист по-волчьи взвыл, ударил кулаками о стену. Потом успокоился, стиснул зубы. Пока жив – есть шанс. У него нет револьвера, но имеются бумага и перо. И он будет драться на этом бумажном поле боя.

Нового адвоката – недавнего выпускника Львовского университета Альберта Красновола, наняла Организация. Со-

всем молодой, лет двадцати пяти, худощавый, с умным тонким лицом, он глядел на подзащитного со сдерживаемым восторгом и сразу объявил:

– Я полностью разделяю ваши воззрения. И восхищен вами. Мы сделаем все, чтобы сохранить вас для нашего общего дела.

Дантист благосклонно посмотрел на него. Нет ничего более очаровательного, чем порывы молодости. Очаровательного и глупого.

И полетели прошения всем возможным адресатам – в суды, в парламент, президенту. Адвокат оказался не по годам мастеровитым и проявлял чудеса словесной эквилибристики. Они попали в нужное русло, напирая на то, что Станислав Ковган – бывший боевой офицер, дрался с русскими, и только отчаяние толкнуло его на преступление. Он раскаивается и обещает искупить вину.

Польша застыла в предвкушении скорой войны с русскими, возможно, в союзнчестве с Германией. И соратники на воле подняли через газеты грандиозный шум: «Суд приговорил героя войны против России к смерти. Позор забывать своих солдат, которые вынуждены идти на преступление, чтобы не умереть с голода!» Поскольку общество и правительство погрязли в антисоветской воинственной риторике, неудобно было казнить борца с ненавистным СССР, награжденного Серебряным Крестом.

Приведение приговора в исполнение оттягивалось. И у

Дантиста возникло немало времени на одиночество. Он не раз задавал себе вопрос – а не жалеет ли он перед лицом смерти о выбранном пути? И упрямо раз за разом повторял – не о чем жалеть. Все было правильно.

Когда же он ступил на этот тернистый путь? Наверное, переломным моментом стал разговор с отцом в далеком 1920 году. Тогда восторженный недавний гимназист объявил, что уходит добровольцем бить Красную армию и отвоевывать у большевиков исконно польскую землю – Украину.

– Зачем ты это делаешь? – спросил отец, пригласив сына в свой обставленный громоздкой мебелью кабинет.

Он редко достаивал сына такими разговорами. Жесткий и властный человек, титаническими усилиями выбившийся из галицийской нищеты и безысходности и ставший уважаемым львовским конезаводчиком, он всегда был неразговорчив и закрыт для всех, даже для близких. Настал редкий момент, когда он приоткрылся перед сыном.

– Россия ответит за многовековую оккупацию Польши, – заученно выдал Станислав.

– Польша – не наша страна. Поляки всегда ненавидели твой народ, сын. И заслуживают, чтобы ты ненавидел их в ответ.

– Но ты живешь здесь!

– Мы родились в Российской империи. Она тоже заслуживает нашей ненависти. Но она и защищала нас. А сейчас нам будет совсем плохо.

Потом Дантист не раз вспоминал этот разговор. Пройдя через войну и умыв кровью проклятую Россию, заработав офицерское звание и орден, в итоге он убедился в справедливости слов отца. В свободной Польше украинцы – люди низшего сорта.

Отец не жалел денег на образование детей. Станислав терпеть не мог лошадей, и на семейном совете было принято решение, что дело продолжит младший сын. А Станислава ждали медицинский факультет одного из старейших в Европе Львовского университета имени Яна Казимира и высокооплачиваемая профессия зубного врача.

Со временем он все больше видел доказательств верности слов отца, что Польша вовсе не Родина для западных украинцев. Национальные противоречия Российской империя глущила больше ста лет, но стоило Польше выйти из ее состава, как все вернулось на круги своя. Западные украинцы вновь стали для поляков тем, кем были всегда, – рабами, скотом и быдлом.

Нищета и так в Польше была страшная, но забитое украинское сельское население страдало вдвойне, подвергаясь притеснениям со стороны помещиков-землевладельцев и властей. Из четырех сотен украинских школ в 1912 году на Западной Украине к тридцатым годам осталось десять. Интеллигенция составляла один процент западноукраинского населения. Пробриться наверх, сделать хоть какую-то карьеру галичанину было практически невозможно.

Приходило в упадок и семейное дело. Отец держался на плаву гигантскими усилиями, но все равно отступал в борьбе с польской бюрократией и нечестной конкуренцией.

Неудивительно, что Станислав вступил в львовский студенческий кружок националистов. Однако, кроме грез о Великой Соборной Украине, ничего полезного там не почерпнул. Зато однажды на него вышли офицеры, с которыми он воевал против войск Тухачевского. Они были в курсе его контактов с националистическими организациями и посоветовали прекратить их. Есть настоящее дело, где востребован его боевой опыт, – его ждут в Украинской войсковой организации. Это была подпольная политическая, но больше террористическая структура, ставившая целью создание независимого Украинского государства. Порадовали его, что в средствах УВО не нуждается.

Первое задание – покушение на городского главу, прославившегося жестокими притеснениями украинцев. Станислав выпустил в него четыре пули и спокойно скрылся. И стал полностью своим – прошел проверку, получил подпольный псевдоним Дантист.

Через месяц в Праге на конспиративной квартире он встретился с легендарным руководителем УВО Евгеном Коновальцем. Бывший петлюровский офицер, честью и славой служивший Украинской Народной Республике, коварно уничтоженной большевиками, он стоял у истоков националистического движения. Сумел расшевелить инертных галичан,

студенческую интеллигенцию. И зарекомендовал себя в боевых акциях. Еще в 1921 году осуществил покушение, правда, неудачное, на главу Польши Пилсудского. Организовал боевые ячейки, уничтожавшие неудобных политиков, помогавшие крестьянам в борьбе с польскими панями. Ну и не брезговал экспроприациями экспроприаторов – свободы без денег не бывает.

Дантист в Организации стал считаться мастером экспроприаций. Умел он добывать деньги – имелся такой востребованный талант. Вскоре стал руководителем ячейки. И в 1929 году с приключениями пробрался в Вену, где принял участие в съезде националистических организаций Западной Украины, названном Первым Великим Собором. Там была основана Организация украинских националистов – ОУН. Ее основой стали кадры УВО и представители радикальной студенческой молодежи. Проводником – так назывались руководители снизу доверху – остался Коновалец, руководивший Организацией из эмиграции.

В лидеры ОУН быстро выбивался молодой и перспективный Степан Бандера, сын грекокатолического священника, бывший студент агрономического факультета Львовской политехники. В 1933 году он стал руководителем подразделений ОУН на всех западноукраинских территориях. Личность эта была неоднозначная, но Дантиста устраивало в нем одно – ставка на террор. И вскоре он оказался в его близком окружении.

И с таким командованием начались горячие деньки. Дантист без устали подбивал крестьян на бунты в голодные 1932–1933 годы. Участвовал в кампаниях против польского языка и саботаже польских товаров. И успешно работал по ликвидации и экспроприациям. Да, есть что вспомнить. Не раз полиция шла по его следам, но тщетно. И вот теперь – смертный приговор.

Кстати, сам Бандера был арестован в 1936 году с соратниками и тоже был приговорен к смертной казни. Однако помилован и теперь отбывал пожизненное заключение...

Дантист писал без особой надежды очередные письма в разные инстанции. И ждал, когда взвод солдат по команде «пли!» расстреляет его у тюремной стены.

Однажды его вывели из одиночной камеры. Шагая по пустым длинным коридорам, он был уверен, что его ведут на расстрел. И странное чувство им овладело – обреченности и вместе с тем облегчения, что все закончилось. Что это конец не только жизни, но и ожиданию смерти. Только каждый следующий шаг давался ему тяжелее. Близилась проклятая команда «пли!»...

Но привели его на второй этаж к заместителю начальника тюрьмы. Там пожилой, с пышными усами, мужчина в строгом костюме-тройке, представившийся прокурором, с каменным лицом отчеканил:

– Президент подписал указ о помиловании Станислава Ковганя с заменой смертной казни пожизненным тюремным

заключением.

Пожизненное? Дантист усмехнулся. У него была твердая уверенность, что Польше столько не протянуть...

Глава 4

Хорошо обустроенные теплые казармы и аудитории достались советским курсантам в наследство от юнкерского училища, образованного еще в середине девятнадцатого века. Потом здесь было императорское пехотное училище, а при советской власти – мусульманские командные курсы, таттаро-башкирская командная школа. А в 1937 году вновь вернулось название «пехотное училище». И здесь Ивану Вильковскому предстояло учиться долгие, в его-то возрасте, два года.

Он легко вошел в четкий армейский ритм. И заслужил у сокурсников славу службиста и педанта. Не было случая, чтоб он сознательно не выполнил приказ. Самоволки, беготня по падким до курсантов девушкам – это все не для него.

– Ну, ты прямо как машина, Ванюша, – подначивали его курсанты, отдыхая на травке после марш-броска с переходом в тактическую задачу.

– Нет, – качал головой Иван. – Машина – это мы все. А я только хорошо смазанная деталь.

– Ну, учись, деталь, – хмыкали курсанты, пришедшие из войск и считавшие, что жизнь знают.

– Вы, правда, не понимаете? Вызубренный урок – это спасенная жизнь там, на войне. Невыученный урок – погубленная жизнь. Пока есть возможность – надо учиться.

И он учился. Долбил военные премудрости. Без усилий освоил топографию. Тактика вообще будто для него создана – преподаватели удивлялись его умению сделать единственно верный ход в сложной обстановке. Стрельба, сборка и разборка оружия, изнурительные марш-броски – это все его. Зато уставы, тыловые премудрости, военное законодательство, методические дисциплины, химию, медицинскую подготовку зубрил через силу, поэтому тратил на них больше времени. Но ведь без них командиру тоже никуда. Чего совершенно не переносил, так это шагистику, отнимавшую драгоценное время.

При этом он продолжал заниматься боксом и без особого напряжения стал чемпионом округа.

– Ну ты и бьешь, курсант, – сказал очухавшийся после нокаута на окружных соревнованиях здоровенный сержант-артиллерист.

К Ивану не раз подкатывали именитые тренеры, обещали золотые горы, любовь всего советского народа, участие в соревнованиях за рубежом, что походило на сказку. Надо только дать согласие – а со службой вопросы решат. Но он знал – его призвание не ринг, а поле боя. И поэтому надо учиться, учиться и учиться.

Гоняли преподаватели курсантов от души, пытаясь втиснуть в два года обучения столько, сколько еще недавно давали за три. Не все выдерживали такой темп. К выпуску отселось семь процентов – по неуспеваемости, низким мораль-

но-политическим качествам, дисциплинарным проступкам. Но это приемлемый и полезный отсев. Ивану не хотелось, чтобы его фланги в бою прикрывали ненадежные люди.

В конце 1939 года СССР вернул Западную Украину и Белоруссию. Зимой курсантам выделили несколько дней отпуска. И Иван смог насладиться привычными разговорами с дедом под ароматный чай, который приносила мама в больших фарфоровых кружках.

– Поляки нашей семье, конечно, кровные братья, – вещал дед, воодушевленный возвращением России на свои исконные земли. – Но Польша СССР никак не сестра. А скорее шавка дикая, которая все норовила от нас кусок откусить. И то Гитлеру, то Чемберлену свое расположение продавала. Поделом, что теперь она под немцем.

Дядю Вислава бравый курсант-пехотинец дома не застал. Тот со всей семьей отправился в Львовскую область – укреплять органы советской власти, агитировать за новую жизнь и колхозы...

За два года Иван от учебы взял все, что смог. Ну а дальше жизнь покажет, чего он стоит. Скоро у него будет свой стрелковый взвод.

Летом 1940 года, получив лейтенантские кубики, вещевое довольствие и направление в Киевский военный округ, на только что отвоеванную Волынь, он приехал домой в законный уже командирский отпуск. Деда его направление не обрадовало.

– Ты учти, внук, народец в Галиции забитый, но себе на уме. И гниловатый. Западенец кланяется низко, но нож точит. Спиной ни к кому не поворачивайся. Ни с кем близко не якшайся – продадут. Не скоро мы поганый рабский дух из них выбьем...

Глава 5

Два года Дантист мотался по тюрьмам. Сокамерники сторонились его – репутация убийцы и психа шла впереди него, а то, что он убил полицейского, в тюрьме считалось почетным. Администрация, видимо, получив на его счет определенные указания, к его персоне относилась лояльно. Немало соратников томилось в застенках, что позволяло организовать свой тюремный клан. Только в одной камере националисты-поляки решили устроить выяснение отношений, но он отрезал:

– Кого сейчас не убью, того мои соратники с воли приберут. Вместе с семьями.

Поддействовало. Больше к нему вопросов не было.

Летом 1939 года он вернулся туда, откуда начал свой путь, – в Краков. Правда, в другую тюрьму, располагавшуюся за городом.

А на воле происходили судьбоносные события. Страну поразила милитаристская истерия. С кем будет война, то ли с СССР, то ли с Германией, никто не знал, но в том, что Польша выйдет из нее победительницей, патриотически настроенная общественность не сомневалась.

Осенью 1939 года грянул гром – Германия вторглась в Польшу. Дантист знал, что это рано или поздно произойдет. Но даже самые ожидаемые события всегда случаются неожиданно.

данно.

В восьмиместной камере разгорались словесные баталии. Возобладало мнение, что самая смелая в мире кавалерия и непобедимые бронетанковые части Польши через неделю будут пировать в Берлине. Ведь по численности и вооружению польская армия немногим уступала немецкой, а где-то и превосходила. А еще есть знаменитый польский боевой дух, который удесятерит силы каждого солдата.

Немецкие танковые клинья за несколько дней перемололи в труху и знаменитую польскую кавалерию, и пехоту, а гитлеровские люфтваффе безраздельно властвовали в воздухе. Руководители Польши сбежали в Англию задолго до окончания боевых действий, бросив на растерзание врага армию и народ, а потом гордо заявили, что теперь они «правительство в изгнании». Дантист только усмехался про себя. Иного от своры бесстыдных, грязных политиканов он и не ожидал.

Однажды конвоир постучал в металлическое окошко камеры и крикнул:

– Краков взяли немцы!

Началась новая жизнь, опасная своей неопределенностью. Немцы заменили охрану тюрьмы, оставив несколько человек из администрации. Ничего не было понятно – то ли заключенных отпустят, то ли расстреляют. У немцев с этим просто – антиобщественные элементы, и пуля в грудь.

Польшу Дантисту не было жаль. Наоборот, он испытывал чувство злорадства, представляя, что будут вытворять

здесь озлобленные на поляков немцы. Гиена Европы Польша, как ее три года назад назвал британский премьер Черчилль, вполне заслужила свою незавидную участь. Но известия о том, что Западная Украина захвачена СССР, заставили вздрогнуть. Большевики – враг грозный и непримиримый для всех.

В памяти Дантиста жива еще тяжелая, кровопролитная двухлетняя советско-польская война, начавшаяся в таком далеком и близком 1919 году. Тогда стремительно сменялись кадры невиданного трагического исторического фильма. Первая мировая война – Германия оккупирует входившую в Россию Польшу. Распад Российской империи. Брестский мир и свободная Украина. Поражение Германии в Мировой войне и самостоятельная Польша. Все это пришлось на его гимназические годы. А когда Красная армия схлестнулась с польской армией за Украину, он уже стоял в полковом строю. Как выпускнику гимназии в новой польской армии ему присвоили начальное офицерское звание. Он был счастлив и готов отдать за значки и погоны жизнь.

Его полк выбивал красноармейцев из Киева. И командир полка, жирный боров, кричал перед выстроившимися в центре города гордыми польскими воинами:

– И это не конец! Мы возьмем Москву и выкурим оттуда голодранцев, которые решили, что они господа! На их стороне только такие же воры и голодранцы! А против них весь мир. И за нами – Англия! Англия!

Английское оружие, английские военные специалисты. Западный мир был настроен поставить точку в этом историческом недоразумении – Российской империи – и утопить невесть что возомнивший о себе пролетариат в крови в на-зидание другим. И Польша тут отхватит жирный ломоть.

Эх, недооценили тогда русских. Красная армия собрала силы в кулак, вышибла поляков из Киева и Минска, погна-ла до Варшавы. Возникла реальная угроза взятия столицы Польши.

Повезло, что командующий советскими войсками Тухачевский проявил авантюрное головоотяпство, не позаботился о резервах. В результате победа превратилась в поражение. Русских выкинули из Польши и Западной Украины. В плен попало несколько десятков тысяч красноармейцев. Больше-виков принудили к позорному Рижскому мирному договору, по которому Варшаве отошли территории Западной Украи-ны и Западной Белоруссии. Советы согласились возратить военные трофеи, все научные и культурные ценности, выве-зенные с территории Польши начиная с 1 января 1772 года, уплатить тридцать миллионов золотых рублей и еще пере-дать имущество на двадцать миллионов.

И вот теперь Россия вернулась. А Польской Республики не стало. Потому что тяжело дворняге бороться с медведем – с ним может справиться только тигр. И такой тигр сейчас вырос – Великая Германия.

Прошел месяц. Часть уголовников увели – поговаривали,

они записались в добровольческие части и теперь занимались решением еврейского вопроса. В освободившиеся камеры затолкали истерзанных людей. Во дворе тюрьмы слышались выстрелы – там шли расстрелы.

Однажды пришли за Дантистом. Два крепких немецких солдата отвели его в просторный кабинет начальника тюрьмы. Теперь там на стене висел живописный портрет Гитлера, и куда-то исчезли две картины по мотивам восстания Тадеуша Костюшко.

В широком дубовом кресле вальяжно расположился немецкий майор. Это был атлет с голубыми глазами и выступающей вперед челюстью – хоть сейчас на агитационный плакат. В отличие от плакатных героев, у него был очень пронизательный взгляд.

– Станислав Ковган, – лениво произнес он на чистейшем польском языке. – Кличка Дантист. Активный участник движения ОУН.

– Нет, господин офицер, – возразил Дантист. – Простой налетчик на банки. Никакого ОУН.

– Господин Ковган. Если вы будете отрицать очевидное, то я прикажу вас расстрелять. Я хочу построить разговор на взаимном доверии. Без доверия вы мне не нужны.

– Понятно. – Дантист поежился. Достаточно майору подать голос, и громилы с автоматами выведут заключенного во двор – и все. Никаких адвокатов и помилований у них не предусмотрено.

– Германия против террора и за соблюдение порядка, поэтому вы вряд ли можете рассчитывать выйти отсюда. Однако Германия относится с сочувствием к чаяниям дружественных народов, в том числе в борьбе с плутократами и жидами.

– Именно с ними я и боролся, – приободрился Дантист.

– Вопрос не в том, с кем вы боролись. Вопрос в том, с кем будете бороться. И с кем дружить.

Дантист задумался, а офицер продолжил:

– С ОУН нас объединяет давнее доброе сотрудничество. Мы помогали в подготовке ваших людей. Они помогли нам раздавить этого ядовитого скорпиона – Польшу. Вы это знаете?

– Я немного отстал здесь от жизни.

– Единственный путь создания украинского государства – это дружба с Третьим рейхом, которому вскоре будет принадлежать вся Европа, а со временем и весь мир. И единственный способ для вашего движения поквитаться с москалями, как вы их называете, и польскими недочеловеками – это дружба с нами.

– Очень может быть.

– А лично у вас единственная возможность выбраться отсюда – это дружба со мной.

Дантист уже все решил. Поэтому четко произнес:

– Я всегда мечтал о таком добром и умном товарище, как вы.

Майор хмыкнул:

– Насчет доброты вы преувеличиваете. Хотя она вместе с романтикой все еще живет в моем сердце. За работу?

– Так точно, господин офицер! – Дантист встал, щелкнул каблуками, вспомнив армейские правила.

– Бросьте тянуться. Меня зовут Вилли Кляйн. Майор абвера и ваш куратор. – Офицер плеснул в пузатый бокал коньяка из хрустального графинчика на столе. – Выпейте за наше соглашение.

Глава 6

В конце июля Иван представлялся по месту прохождения службы командиру стрелкового батальона, а потом и широкоплечему, кряжистому, возрастом лет тридцати пяти командиру третьей стрелковой роты. Последний принял нового подчиненного как родного. Сразу предупредил, что в его первом взводе проблемы с дисциплиной, бывшего командира за пьянку разжаловали до младшего лейтенанта и спровадили на другое место службы.

– Пошли, представлю тебя, – сказал комроты, поднимаясь с лавки и выходя из избы, служившей штабом батальона.

И вот Иван, чистенький, гладко выбритый, румяный, пышущий здоровьем, высоченный – метр восемьдесят три, стоит перед пятью десятками людей, юных или уже в возрасте. Для них ему предстоит стать командиром, наставником, а случись что, то царем и богом.

– Командир у вас молодой, но уже отличник боевой и политической, – представлял Ивана ротный. – Кстати, чемпион округа по боксу.

Иван ловил на себе мрачные испытующие взгляды – мол, что за гусь.

Когда ротный ушел, новый взводный неторопливо прошелся перед строем. Потом еще раз, будто специально сгущая висящее молчание. И отчеканил:

– Сразу скажу – вы будете лучшим взводом полка. И добиваться исполнения приказов и успехов в учебе я буду любыми законными средствами. Разгильдяйства не потерплю.

Он выразительно сжал кулак.

По строю прошел ропот.

– Вопросы? Предложения? – спросил Иван. – Нет? Сержант, командуйте выдвижение на завтрак.

– Взвод! – крикнул замкомвзвода Богатырев, статью и уверенными повадками соответствующий своей фамилии. – Шагом марш! Правое плечо вперед!

Закрутил Иван службу крепко. Неустанный труд в летних лагерях, на полигонах, отполированных животами ползающих по-пластунски воинов, на стрельбищах, напряженная учеба и выматывающая физкультура. Кто из красноармейцев взвода имел хоть какой-то жирок, вскоре его растряс. Кто испытывал проблемы с грамотностью, подтянулся. Вильковский готов был терпеливо, до победного, объяснять, показывать каждому, что делать и как понимать заковыристую задачу. Не переносил на дух одного – лени.

Иван добился полной укомплектованности взвода – пятьдесят один человек в четырех стрелковых и одном минометном отделении. Организовал все строго по уставу – все попытки панибратства были сразу пресечены. Обращался предельно корректно, лишь в крайних случаях переходя на «ты». Но все знали, что ударом кулака командир может свалить быка.

В полк приезжали спортсмены, в том числе известный в вооруженных силах боксер – старший лейтенант-танкист. В дружеском поединке Иван умудрился свалить его в первом раунде, чем вызвал бешеные крики восторга у его взвода – мол, а наш-то вон какой!

Занятия по боксу он начал практиковать сперва во взводе. Но вскоре к нему потянулись желающие со всего полка, так что вышло что-то вроде спортивной секции.

Хотя гонял он подчиненных в хвост и в гриву, но вскоре даже заправские ворчуны перестали ворчать. Ведь больше всего лейтенант не жалел себя. Был справедлив, никого не наказывал по самодурству или плохому настроению. И всегда отстаивал своих людей, даже когда те были не правы. Потом наказывал своей властью, но чужим на расправу не отдавал.

Щелкали месяц за месяцем. Подошел сорок первый год. В воздухе явственно ощущалась скорая гроза. То и дело якобы заблудившиеся немецкие самолеты пролетали над расположением полка. Да и на самой Украине обстановка была тревожная. Контрреволюционный элемент и буржуазные прихвостни не спали. Чуть ли не каждый день приходили вести о нападениях на органы власти, военных, колхозы.

На собрании командиров в деревянном здании клуба не раз выступал полковой особист Сергей Рубан. Этот побитый молью бывший агроном воевал еще с беляками в Гражданскую, орден Красного Знамени ему вручал лично Троцкий,

о чем теперь чекист разумно умалчивал. Он настойчиво повторял:

– Разведка противника спит и видит, как поймать вас в свои сети. Бдительность! Да, вы на советской территории. Но приграничной, наводненной агентурой врага. Какого врага?

Тогда не принято было говорить о немцах плохое, так что отвечал уклончиво:

– Мирового империализма, какого же еще.

То, что это не пустые слова, Иван убедился на собственной шкуре. Командиры снимали комнаты в расположенном рядом небольшом чистеньком городке, где над домами с черепичными крышами гордо возвышался пик действующей кирхи. На съем выделяли деньги, и Иван подобрал комнату в брошенном сбежавшими в Польшу хозяевами двухэтажном особняке, который теперь делили семьи местного сапожника, конторского счетовода и одинокая девушка Оксана.

Вот эта гарная дивчина стала всячески ластиться к Ивану. Не то чтобы он был женоненавистником, у него уже были близкие отношения с девушкой. Но он отлично помнил слова деда: «Не давай себе воли в тех краях».

Встреч наедине и пикантных ситуаций с Оксаной он старался избегать. Она же не отставала, видимо, считая, что у него не должно быть никаких иных мыслей, кроме как о стройном девичьем стане. Но он считал иначе. Смущала его и явная искусственность, наигранность ее поведения. Стал внимательно присматриваться и начал замечать странности.

То непонятные люди ныряли к ней по вечерам и тут же уходили. То она сама куда-то неожиданно срывалась, притом явно не на свидание.

В майора Пронина, героя-контрразведчика из знаменитой книги Льва Овалова, Иван играть не стал. Доложил обо всем Рубану, заявившись в служебный домик особиста на самом краю расположения полка. И в очередной раз удивился, насколько же мешковато сидит на чекисте военная форма с двумя шпалами в петлицах и шевроном политработника на рукаве.

– Это ты молодец, что пришел, – добродушно произнес особист, отхлебывая чаю из стакана в серебряном подстаканнике. – Не зря, выходит, лекции вам читаю.

– Чую, что-то с ней не так, – вздохнул Иван. – Но если не виновата, то...

– Нам невиновные не нужны. Нам виноватых хватает, – заверил Рубан.

Через месяц девицу арестовали. А заодно четверых сообщников. Она призналась, что поддерживала связь с зарубежьем. Получила задание подтягивать к сотрудничеству советских офицеров, узнавать про дислокацию, передвижение, состав войск. В общем, полноценная разведка.

– Кто же это нас так изучает? – спросил Иван, которому в «особистской избе» поведал обо всем с глаза на глаз Рубан. – Поляки все не успокоятся? Так Польши уже нет.

– Не поляки... Сумрачный тевтонский гений. Немцы го-

товятся, лейтенант. Масштабно готовятся. И ты готовься. Правильный ты парень, как я погляжу. Вот и служи так, чтобы врага встретить во всеоружии.

Потом начались выходы на боевые задания. В СССР постоянно с той стороны шастали провокаторы и диверсанты. И батальон привлекался на блокировку местности, правда, без особого результата. Тогда и услышал Иван впервые – эмиссары украинских националистов.

Была середина апреля 1941 года. Рота только что заехала в новую просторную дощатую казарму с печкой, большими застекленными окнами, металлическими кроватями – просто высший шик. В воскресенье после обеда Иван дал своим подчиненным отдохнуть, привести себя в порядок, написать письма домой. Вечером приедет кинопередвижка с новым фильмом. Или со старым вроде «Веселых ребят», которых можно смотреть бесконечно. Перед фильмом новостная кинохроника о событиях в стране. Для красноармейца это праздник.

Иван сидел в своем закутке, пролистывая журнал «Огонек». Ему тоже захотелось расслабиться. Не тут-то было.

– Боевая тревога! Построение на плацу! – что есть силы заорал дежурный по роте.

Батальон выстроился при оружии. И комбат, высокий, статный, с военной прямой осанкой, зычно объявил вводную:

– Банда недобитых буржуев совершила убийство мирных

жителей и уходит в сторону границы. Приказываю личному составу батальона оказать содействие органам НКВД и пограничникам по блокированию и уничтожению противника на направлениях возможного отхода.

Красноармейцы запрыгнули в грузовики-полуполторки. И в путь – в леса, которые Иван уже неплохо изучил за прошлые вылазки.

Винтовки, боевые патроны, ракетницы и карта местности. И боевой приказ. Что еще нужно военному для счастья?

Глава 7

Выйдя из тюрьмы, Дантист застал совершенно другую страну. В Кракове было создано Польское генерал-губернаторство во главе с Гансом Франком.

Оккупанты подошли к контролю за территориями с немецкой педантичностью, сразу расставив все по своим местам. Население было разделено на несколько категорий. Евреи, цыгане и душевнобольные – это недочеловеки, подлежащие изоляции и утилизации. Кстати, сами поляки эту идею встретили с одобрением, поскольку исторически иудеев, мягко говоря, не любили, и включились в игру – найди и посади еврея. Наиболее ушлые граждане собирали с соседей дань под угрозой выдачи немцам. Но самим полякам это не помогло. Немцам было за что мстить им. Третьего сентября 1939 года подразделениями польской армии, жандармерии и полиции, а также патриотами в городах Бромберг, Шулитце, в десятках городков в районе Познани были вырезаны несколько тысяч немцев из числа мирного населения. Это была не первая и не последняя массовая резня – с немцами, как и украинцами, польская общественность и силовые органы не церемонились. И вот пришла пора расплаты.

Поляки были признаны людьми второго сорта и лишены гражданских прав. Польские вузы закрыты или перепрофилированы. Вся профессура Краковского университета была

отправлена в концлагерь. Уделом поляков становились принудительные работы для вермахта и обеспечение Германии всем необходимым для ведения войны – фактически рабство. Начиналось активное заселение территории немцами, теперь единственными здесь людьми первого сорта.

Улицы были заполнены военными. Введен комендантский час. За попытку нападения на солдат – расстрел на месте или уничтожение заложников. За акции сопротивления, саботажа, расклеивание антинемецких листовок – тюрьма или расстрел. В наведении орднунга активное участие принимала старая польская полиция, значительная часть которой осталась на службе.

Притесняемых еще недавно поляками западных украинцев немцы пока неофициально считали хоть и унтерменшами, но дружественным народом. У Германии на них были большие планы. Поэтому деятельности ОУН на оккупированных территориях гитлеровцы не только не мешали, но и помогали, чем могли. Организация теперь работала открыто.

Боевые товарищи встретили Дантиста как героя. Он имел долгий разговор на квартире в Кракове с выпущенным немцами из тюрьмы Степаном Бандерой, который велеречиво вещал о скором создании независимого украинского государства под немецким покровительством. Спрашивал вождь и о том, почему засыпалась боевая группа Дантиста:

– Вас предали?

– Случайность, – заверял Дантист.

Но это была не случайность. Он уже давно вычислил предателя – это функционер Хмурый. Тот вполне неплохо чувствовал себя в Организации. Вчера они столкнулись лоб в лоб в костеле. Хмурый распростер объятия, долго хлопал старого соратника по плечам и чуть слезу не пустил:

– Жалко, меня не было с вами в проклятом банке. Меня это тяготит до сих пор!

– Ничего, – тоже похлопал его по могучему плечу Дантист. – Ты был на своем посту.

Дантист выждал четыре дня. И в холодную ночь, кутаясь в длинный плащ, отправился к предателю домой.

– Это Станислав, – сказал он, постучав в дверь в доме, затерявшемся в узких улочках старого города.

– Что надо в такое время? – недовольно донеслось из-за двери.

– Обсудить вопрос. С нашей добычи во Львове, помнишь, кое-чего ушло. Я знаю, как вернуть. Нужна твоя помощь.

Рассчитал он все правильно, надавив на патологическую жадность соратника. Три года назад группа взяла во время экспроприации во Львове немало золотишка, часть которого потом исчезла, и никакие дознания не помогли. Хмурый тогда изнывал – не столько от того, что золото не пошло на святую борьбу, а что сам его не стащил.

Хмурый заглотил крючок и открыл дверь со словами:

– Конечно, заходи.

Он фальшиво и широко улыбался, подливая гостю свеже-

заваренный чай, а потом нетерпеливо ерзал на венском стуле в предвкушении откровений насчет золота.

Улучив момент, когда хозяин квартиры повернется к нему спиной, Дантист нанес удар ножом в мускулистую массивную спину профессионального борца. Хмурый выпрямился, будто не ощущая боли и не понимая, что происходит.

И тут удары ножом посыпались один за другим... Сколько их было? Двадцать? Тридцать? Злоба и обида требовали достойного вымещения.

После экзекуции Дантист, просочившись по так хорошо знакомым ему улицам мимо патрулей, как ни в чем не бывало вернулся в квартиру, которую ему выделила немецкая комендатура.

Утром его поднял бесцеремонный стук в дверь. Двое солдат с бляхами немецкой полевой жандармерии затолкали его в легковую машину с открытым верхом и отвезли к зданию генерал-губернаторства. Через черный ход провели внутрь, отконвоировали по крутым лестницам и узким коридорам. Ввели в просторный кабинет на последнем этаже. Усадили на стул. И вышли в коридор.

Майор Кляйн стоял у большого полукруглого окна. Держа в руке свой вечный бокал с коньяком, он внимательно рассматривал изрезанный колокольнями и башнями силуэт города.

Резко обернувшись, он кивнул гостю. Поставил бокал на стол. Полез в ящик. Вытащил пистолет «Вальтер». И вдавил

его ствол в лоб Дантиста со словами:

– Не думал, что нам придется прощаться при таких обстоятельствах.

– За что? – сдавленно произнес Дантист.

– Мало того, что вы убили человека в доме у площади Всех Святых. Так еще сделали это настолько неумело, что вас описали свидетели.

– Я?

– Помните нашу договоренность насчет вранья... За что вы невзлюбили пана Стельмаха?

– Он был агентом польской контрразведки. Благодаря ему меня чуть не расстреляли.

– Это нам известно. Но он работал и на Германию. Кто вам позволил убивать без разрешения? – палец дрогнул на спусковом крючке.

– Я виноват. Дайте мне возможность доказать свою лояльность.

– О как. Это называется лояльность.

– Преданность!

– Ладно. – Майор положил пистолет на стол, опять подошел к окну – над городом на севере стоял столб дыма, что-то там горело, слышалась отдаленная стрельба. – Отныне никаких сведений счетов и убийств... Без моего ведома... Или хотя бы без уведомления меня.

– Больше никакого своеволия, господин майор, – произнес Дантист, а потом осторожно поинтересовался: – А что со

свидетелями?

– Пусть вас это не волнует, – майор отошел от окна и устроился в кресле. – Вопрос решается. А теперь проработаем тактику вашего поведения в Организации. Меня тревожат некоторые тенденции...

Организацию лихорадило. После того как сотрудники НКВД взорвали в Роттердаме ее лидера – легендарного террориста Евгена Коновальца, фракции, которые удерживались воедино его стальной волей, начали тянуть одеяло на себя. В августе 1939 года руководителем ОУН объявили бывшего австро-венгерского и петлюровского офицера Андрея Мельника – родственника почившего в бозе вождя. Фракцию Бандеры это не устраивало.

В феврале 1940 года Дантисту довелось принять участие в собрании сторонников Бандеры в Кракове. Там Мельника обвинили в том, что он не принимал меры к агентам польской контрразведки в своем окружении, то есть фактически в предательстве. В результате вождем Организации провозгласили Степана Бандеру. Основным приветствием ОУН вместо старого доброго «Слава Иисусу Христу!» стало «Слава героям! Героям слава!».

Так образовалось две ОУН – ОУН (Б) (он же революционный), склонный к террору и насилию; и ОУН-М – Мельника, больше расположенный к компромиссным вариантам. К расправам и убийствам старый австрийский вояка был склонен не меньше Бандеры, только убивать предлагал с огляд-

кой, так, чтобы не спалить подполье на Западной Украине.

Ситуация была достаточно глупая. Теперь ОУН напоминал организм, чья голова поражена шизофренией, – тело вроде одно, руки, ноги тоже, но в голове два разума, потому организм шатается и идет вразнос. Все зависело от немцев – кого они больше полюбят. Те любили обе фракции и исправно снабжали их деньгами при соблюдении главного условия – устроить коммунистам в Галиции как можно больше проблем...

Между тем две части одного организма начали лупцевать друг друга. Бандера перетянул на свою сторону Службу безопасности ОУН – то есть ее контрразведку, которая принялась уничтожать мельниковцев. Те в долгу не оставались. Немцы возмущались нерациональностью такого подхода, но остановить резню, жертвой которой уже стали сотни человек, не могли.

Положение Дантиста в ОУН (Б) укреплялось. Он занимал разные должности, но главным был его авторитет как мастера боевых операций и конспирации. Постепенно он становился доверенным лицом руководства. И брался за самые отчаянные предприятия. Начал ходить «за линию», то есть на территорию СССР. Первый раз ему казалось, что живым ему не вернуться. Но постепенно привык. Видел, что настоящая работа именно там, на родной земле. А здесь – политиканский треп и красивые, но бесполезные воззвания: «Украинцы – это кровь нашей крови и кость нашей кости. Только

украинцы имеют право на украинские земли и украинские имена и украинские идеи».

Однажды он нашел в Кракове своего судебного защитника Альберта Красновола. Тот прозябал в каморке рядом с костелом Святого Эгидия в полной растерянности. Времена настали жестокие. Адвокатская практика закончилась. Не сегодня завтра его грозили отправить на принудительные работы в Германию.

– Время выбора, Альберт, – сказал Дантист, выкладывая на стол из портфеля банки с консервами, приковавшими голодные глаза собеседника. – Или как мокрица быть – тогда тебя раздавят. Или воевать за новую жизнь. Не часто даются такие шансы. Ты со мной?

Красновол кивнул.

– Только одно условие, – продолжил Дантист. – Личная преданность. Мне.

– Согласен.

Так в организации появился функционер с псевдонимом Адвокат.

На данном этапе Германии нужно было от ОУН следующее: разведывательные данные по деятельности Советов на территории Западной Украины и подготовка населения к массовым акциям против «советских оккупантов».

На территорию Галиции постоянно забрасывались «группы поддержки». Функционеры создавали резидентуры, укрепляли подполье. Выявляли внедренных агентов НКВД,

которых казнили без жалости. Создавали разветвленные негласные властные структуры. И не уставали напоминать населению: «Советы здесь ненадолго. Скоро придем мы. И тогда вспомним, кто был нашим другом, а кто работал на врага». Это действовало безотказно. Практически в каждом селе теперь были агенты ОУН. Удручало то, что селяне на словах клялись в верности, но реально воевать с комиссарами не торопились.

Руководству ОУН (Б) всего этого казалось мало. Оно хотело взбодрить народ и требовало красивых силовых акций.

– Оккупанты должны бояться. Днем и ночью. За ними должен ходить топор народного гнева! – экзальтированно восклицал Бандера перед соратниками.

Мельников убеждал немцев, чтобы они укоротили неистового Степана, который своей кровожадностью до срока раскроет всю агентурную сеть. Потери после каждого акта террора были неприемлемыми – НКВД арестовывало людей сотнями. Но немцы, как царь горы, витали над суетой бытия. Абвер, который фактически курировал всю Организацию, пока проявлял политику невмешательства. Разведданные шли бесперебойно, а это главное на данном этапе.

Каждый месяц верхушка ОУН на полном серьезе обсуждала дату начала всеобщего восстания. Первое время оно откладывалось из-за нехватки сил. Потом пошли слухи, что немцы готовятся к войне, так что восставать нужно к приходу освободителей. Планировалось одновременно ударить

во Львове, Луцке, Черновцах, Киеве, Одессе, Харькове, Днепрпетровске и на Кубани.

Между тем Дантист раз за разом переходил границу. Русские пограничники с каждым днем работали все лучше. Каждый переход, несмотря на наличие вроде бы надежных коридоров, был опасен смертельно. Однажды погибли его сопровождающий и два телохранителя. В другой раз ему пришлось два часа лежать в снегу, молясь, чтобы наряд с собаками не пошел в его сторону.

Но Дантисту везло. Он приходил туда и возвращался обратно. Видел, как растет Организация. Пару раз пришлось заниматься любимым делом – террором. В города националисты не лезли, однако в селах систематически выбивали сторонников советской власти. Наглядно. Со зверствами. Чтобы запомнили, как Свободную Галичину любить.

В апреле 1941 года Дантист отчитывался перед куратором в закрытом зале ресторации для немецких офицеров в Кракове:

– Плохо, что крестьяне начали принимать Советы за власть. Некоторым пообещали землю, они и рады. Но большинство привыкли гнуться перед панами. Перед польскими, теперь перед советскими. Мы бы перетянули на свою сторону всех, если бы они осознали, что власть – это мы, а не большевистский райком.

– Скоро они увидят власть. – Майор Кляйн отпил из бокала коньяк – и как только в него столько влезает. – Только

не вашу, а нашу. А вы будете выступать от нашего лица.

– Скоро? – Дантист с удовольствием пригубил шампанское «Мадам Клико» из высокого хрустального бокала.

– Очень скоро... Принято предварительное решение о создании в диверсионном полку «Бранденбург 8000» отряда из жителей Западной Украины. Естественно, большая часть солдат будет членами ОУН. Задача – проведение диверсий при начале боевых действий против СССР. Вы имеете судьбоносный шанс получить в этом подразделении офицерское звание вермахта. Но сначала еще один поход за линию. Разведать обстановку. И пошуметь напоследок. В Галиции пора начинать раскачивать население всерьез...

Через границу Дантист перешел без проблем. Собрал боевую группу, которую сам подбирал для наиболее отчаянных акций.

И они пошли на кровавое дело...

Глава 8

Как назло, похолодало, шел мелкий дождь. Земля была влажной – в ней тонули сапоги. Комья грязи налипали на шинель. Но что пехоте грязь?

Лес был уже знаком Ивану – три месяца назад взвод уже блокировал эту местность. И он знал, как лучше распределить личный состав, где выставить заслоны, куда поставить пулеметы, где устроить засаду.

Распределив людей, Иван был уверен, что теперь через их зону ответственности не пройдет никакой враг.

Свой наблюдательный пункт он замаскировал за кустарником, откуда была видна серебрящаяся узкая лента реки и петляющая между деревьев тропинка. Весна пришла ранняя, и листья на деревьях начали распускаться.

Иван вытащил из кармана заранее припасенную ветошь и протер винтовку от налипшей во время броска через лес грязи. Табельное оружие командира взвода – пистолет ТТ и командный голос. Но он взял в оружейной пирамиде еще и винтовку, потому что мог дать фору по стрельбе даже батальонным снайперам. Если банда возникнет, то его умение пригодится. Он рассчитывал обездвигить хоть одного бандита и взять живым.

Хотя рассчитывал – громко сказано. Правильнее будет – мечтал. Потому как не верил, что банда пойдет в их сторо-

ну. Граница в другом направлении, и проклятые головорезы устремятся туда.

Все неймется этим националистам-паразитам. Не могут смириться, что здесь строится новая жизнь. Расклеивают клеветнические листовки. Призывают к восстанию и неповиновению. Но хуже всего – убивают. Недавно вырезали семью председателя сельсовета в соседнем районе, притом ему самому отрезали голову и унесли с собой. Нелюди!

Как правило, занимаются они своими погаными делами в селах, сбивая крестьян с толку. И ксендзы-униаты в эту дуду трубят. Но и в городах далеко не все приняли советскую власть. Семьи наиболее оголтелых антисоветчиков, из бывших польских властей, враждебной интеллигенции, радикально настроенных галичан, кулаков, вывезли в холодные края. Но полковой особист говорил, что многие местные деятели с трибун клянутся в верности СССР, но на деле мечтают о приходе империалистов, которые вернут их привилегии. И собираются в кружки, где откровенно говорят, что скоро здесь будут немцы или англичане – все равно, лишь бы не большевики...

Солнце покраснело и садилось за поросшие ельником холмы, когда появились они!

Их было семеро. Шли осторожно, держа дистанцию. Кто это? Охотники-колхозники-лесорубы? С карабинами за плечами?

Это она, долгожданная банда!

Иван медлил с приказом открыть огонь. Взвод растянут. Рядом трое бойцов. Пока остальные сбегутся на выстрелы... Тут главная наука – начать стрельбу вовремя. Раньше выстрелишь – спугнешь. Позже – так эта сволочь еще добежит до тебя, врукопашную сойдется или вырвется на оперативный простор. Каждой пуле свое время. И пока еще рано, хотя бойцы уже нервно елозят, будто хотят спросить – ну когда же?

Иван разглядывал в бинокль группу. По виду перед ним обычные крестьяне. Идут вразвалку, напряженно оглядываясь. Из компании он выделил одного – худощавого, с прямой военной осанкой. Походка пружинящая, спортивная. Уже не молод, лицо морщинистое. Время от времени он властными жестами отдавал спутникам распоряжения. Ясно, кто здесь главарь. Начальник райотдела НКВД специально заострил внимание – главных гадов стараться брать живьем.

Ну что же, втянулись бандиты глубоко. Справа река, слева – лужайка. Все одно – открытое пространство. Вот теперь пора.

– Стоять! Руки вверх! Бросить оружие! – что есть силы крикнул Иван.

Двое бандитов застыли как вкопанные. Остальные рванули в разные стороны и залегли.

Иван нажал на спусковой крючок, и фигура одного из шустрых боевиков дернулась. Тут же раздались ответные выстрелы.

– Сдаемся! – крикнул один из тех, что остался на ногах.

И тут же рухнул, срезанный метким выстрелом. Снял его тот сухощавый главарь.

Ну а дальше понеслось. Стрельба. Крики. Двое бандитов двинули на прорыв – и тут же легли под пулями. А вот главарь проскочил через простреливаемое пространство и устремился в чашу.

Иван крикнул своему заместителю сержанту Богатыреву: – Командуй!

И понесся в овраг, мечтая не переломать ноги. В том, что его ребята кончат бандитов, – он не сомневался. Слишком хорошо их учил. Но сейчас главное – взять беглеца. Подарок будет чекистам добрый!

Стрельба осталась позади. Интенсивность ее спала, раздавались только отдельные выстрелы. А Иван думал об одном – не упустить главаря.

Беглец двигался в лесу на удивление умело и быстро. Иван ощутил, что дыхание у него сбивается. Если так дальше пойдет, то он может еще и из виду потерять мелькающую впереди фигуру.

Комвзвода разобрала злость. Это что, какая-то вражья душонка вот так просто сделает его, лучшего спортсмена полка! Собрав оставшиеся силы, он рванул не вокруг горки, которую они огибали, а на нее.

Расчет его оправдался. Рывок стоил последних сил, но он выскочил в пролесок прямо перед беглецом. Взмахнул вин-

товкой. И, прокашлявшись, сбивающимся голосом крикнул:

– Руки подними, контра!

– Ну, командир, зачем так уж? – отрывисто прокаркал беглец по-русски с небольшим акцентом. Забег по лесу не прошел даром – на нем не было лица, и он раскачивался так, что, казалось, рухнет на колени. – Мы вреда не делали... По делам шли... У меня золото. Бери! На сапоги и «Шипр» надолго хватит!

– Не разговаривать! Руки поднять!

– Да я не вру! Вот же они!

Главарь сделал движение, как бы хлопая себя по груди. Винтовка его на земле. Оружия больше у него не видать. Так что опасности Иван не видал. А зря.

Комвзвода услышал грохот и почувствовал сокрушительный удар в грудь...

Глава 9

Два десятка вооруженных бойцов ОУН вошли в село, на базе которого большевики создали новый колхоз. И ведь никто из селян не высказался против, не уехал в Сибирь. Они согласны на все. И вместе с этими людьми предстоит воевать? Да, именно с этими. Не понимают, что такое слова, поймут, что такое страх.

Отряду повезло. В селе находились уполномоченный из исполкома и председатель колхоза со своим шестнадцатилетним сыном – все с Восточной Украины.

Работа с крестьянами всегда одинакова. Согнать под ружьями всех на площадь – сейчас это было пространство перед сельсоветом, где в грязи валялись две упитанные свиньи и бродили куры. И пропагандировать – убедительно и с наглядными примерами.

– Советской власти недолго осталось! – кричал Дантист, прохаживаясь перед толпой. – С ней будет то же, что и с ее подлыми пособниками!

Похожий на племенного быка Михай подошел к стоящим на коленях большевистским прихвостням.

– Мальчонку-то оставь, – прохрипел избитый председатель – босой, в рубахе навывпуск, бородатый. – Малой он еще.

– Любой малой будет большим. Смотри, как зверенышем глядит. Комсомолец. – Дантист сорвал с рубашки парня ком-

сомольский значок. – С комсомольцами разговор короткий. Приступай, Михай.

Палач привычно подкинул в руке топор. С трех ударов все было кончено. Все-таки мастер он отличный. Лучший мясник в городке под Львовом был. Тушу, говорит, чувствует, как свою...

Дантист посмотрел на распластавшиеся тела. Сладострастный восторг разлился внутри. А ведь ему это нравилось. Нравилось уже давно.

После заключения мира между Польшей и Советами он охранял лагеря военнопленных. Видел тысячи голодных, доведенных до скотского состояния москалей. Их почти не кормили, они мерли как мухи, их расстреливали по любому поводу – и число их сокращалось стремительно. Говорят, этих псов в лагерях сгинуло не меньше ста тысяч. И, глядя на их нечеловеческие мучения, Дантист не испытывал даже тени жалости. Наоборот, он желал, чтобы они подошли все до одного. В корчах! Враг должен не только умирать, но умирать мучительно. И в этом есть радость.

Вот эти трое. Они пришли на землю, на которую у него были совершенно иные планы. И конец их поучителен.

Дантист собирался выпороть шомполами нескольких селян из новоявленных колхозников, но времени ему не дали. Скукоженный дедок шепнул нечто такое, что сразу ставило отряд в разряд преследуемой дичи.

В селе оказался радиолобитель. До чего Советы крестьян

довели – скоро в каждом селе радио будет, и советские вожди станут вещать со столбов! И как назло, жил этот любитель на самой окраине – до него просто не дошли. У него есть не только приемник, но и передатчик. И сто процентов он, комсомолец, уже связался с районом.

Михай с двумя бойцами ринулся к указанной хате. Над ней и правда была до того незамеченная антенна. И передатчик внутри был. Радист убежал в лес. Передал или нет сообщение? Вопрос. Но в любом случае пора уходить.

Напоследок оуновцы подожгли здание сельсовета. Потом отряд разделился на две части. Одна устремилась в непроходимые чащобы. Другую повел Дантист в сторону границы.

Вскоре он убедился, что радист дело свое черное сделал. При попытке пересечь дорогу группа едва не натолкнулась на оцепление войск НКВД. Здесь дорога к границе была перекрыта. Выход один – уходить в глубь территории, там переждать и пробовать снова.

Когда они почти вышли из западни, то напоролись на засаду.

– Стоять! – проорал кто-то из кустов.

Дантист сразу понял, что всем не спастись. Подстрелил соратника, поднявшего руки, чтобы сдать. Умудрился преодолеть простреливаемое пространство до густой растительности.

Не зря всю свою жизнь, даже в тюрьме, он неустанно занимался спортом. Бег, лыжи, немного бокса и фехтования,

стрельба. Подпольщик должен быть силен и подготовлен к любым невзгодам. Вот и сейчас он бежал по лесу, будучи уверенным, что и в свои сорок лет оставит далеко позади проклятых краснопузых солдат.

Огибая поросший деревьями крутой холм, он считал, что ушел от погони. И тут прямо перед ним как с неба свалился высокий и злой лейтенант Красной армии – он запыхался, но держится молодцом. А у Дантиста от дыхания, считай, ничего и не осталось.

Все же неприятно, когда в тебя целятся из винтовки. Дантист отлично знал, как немного усилий нужно, чтобы убить человека, когда в твоей руке огнестрельное оружие. Да и по виду красного командира было понятно – этот не промахнется.

Но в схватке матерого волка и молокососа обычно побеждает волк. Потому что он опытнее.

У Дантиста оставалась одна надежда. Единственный шанс. Поэтому он забалтывал командира пустыми речами, имея одну цель – привести руку в нужное положение.

У него это получилось. Зацепить крючок. Сделать движение прицеливания. Ба-бах!

Готов!

Это было хитроумное приспособление из арсеналов абвера – трубка, прикрепленная к рукаву пальто, которая приводится в действие движением большого пальца. В ней лишь один патрон, но лейтенанту его хватило.

Красный командир упал. Но тут же зашевелился, потянувшись к винтовке.

Времени на добивание не было. Пусть живет, большевистская мразь!

Дантист ринулся в овраг справа. А потом, стараясь экономить силы, двинул в направлении, где крылось его спасение.

Глава 10

– Ты везучий, лейтенант, – сказал особист Рубан, навестивший Ивана в госпитале. – Пули тебя не берут.

– Да это все портсигар, – усмехнулся Иван. – Сам не курю. Но солдат, когда те отличились или отдыхают на привале, всегда готов папироской пожаловать. Папиросы-то мне по довольствию положены.

– Это правильно. Курево для солдата порой важнее хлеба.

– Вот пуля и ударила в портсигар. Рикошет. Но врезала сильно. Как перворазрядник по боксу. Поэтому я ту сволочь и не смог настичь. Я бы его не упустил, вы поверьте!

– Да верю я тебе. Верю.

– Какой-то хитрой штуковиной он меня одолел. Прямо из рукава выстрелил.

– Немцы на такие хитрушки горазды... Да, жалко ты того волчару упустил. Большой человек был. Представитель безопасности.

– Что это?

– У националистических банд есть своя служба безопасности. Как у немцев гестапо.

«Или у нас НКВД», – Иван едва не брякнул это вслух, но вовремя прикусил язык.

– «Дантист» кличка, – добавил Рубан.

– Кличка? – удивился Иван.

– Они как ворье или как собаки цепные – по кличкам друг друга знают. Так-то вот. Хорошо, что ты жив остался.

Особист взял у Ивана подробное объяснение. И отбыл.

Иван пролежал в госпитале несколько дней. Синяк на груди был огромный, но внутренние органы не отбиты, переломов нет. Да и боевая задача выполнена – банда уничтожена, двое взяты в плен. Только один ушел. Но какой!

В начале июня стрелковый полк в результате реорганизаций был передан в распоряжение Особого Западного округа и отбыл по месту новой дислокации в Белоруссию.

А ночью 22 июня Земля будто перевернулась. И судьбы миллионов русских людей стали подчинены страшному слову – война.

Для Ивана, который ночью был в расположении роты, началось все с бомбежки. С грома взрывов и рева моторов заходящих на штурмовку самолетов.

Не повезло пехоте, что новое расположение части было рядом с аэродромом истребительно-авиационного полка, где в ряд стояли «ишачки» – юркие, но уже устаревшие И-16. По аэродромам немцы нанесли самый сокрушительный удар, стремясь достичь подавляющего господства в воздухе и безнаказанными стервятниками клевать наземные войска, сея ужас и смерть.

Вот разлетелось деревянное строение вещевого склада. Следующая бомба накрыла палатки первого батальона. Народ, сонный, ничего не понимающий, метался по расположе-

нию. Вздымались пожары. Выруливавшего на взлетную полосу «ишачка» разметало от точного попадания бомбы. Но паре машин удалось взлететь, и они вступили в неравный бой с сопровождающими германские бомбардировщики истребителями.

Царила неразбериха. Красноармейцы метались. Кто-то пытался схватить оружие, а кто просто бежал куда глаза глядят. Ржали лошади, вырываясь из тлеющей конюшни.

Бомбили немцы точно, разрушения сеяли страшные. Волна бомбардировщиков прошла, но будет вторая.

Иван наткнулся на красноармейца, чуть не сбившего его с ног, ткнул в грудь ладонью и заорал:

– В лес! В укрытие!

Выстрелил из пистолета вверх и крикнул:

– Все в лес!

Оружие, вещевое имущество – все это потом. Главное спасти личный состав.

Люди рванули к лесу. И вовремя. Зашла новая волна бомбардировщиков, ровняя с землей расположение полка. Но значительной части личного состава удалось укрыться в лесополосе и в расщелине.

Бомбардировщики ушли, посчитав цель отработанной. Склады и столовая догорали. Почти все палатки иссечены осколками или сожжены. Клуб чудом не задело. На аэродроме не осталось самолетов – те немногие, что уцелели после боя, теперь держали путь в глубину территории. Как же по-

лучилось, что все силы истребительного полка в эту ночь были сосредоточены в пределах досягаемости немецкой авиации? У Ивана было предчувствие, что это не единственный накрытый аэродром. Лишиться авиации – это для пехотинца как потерять в проливной ливень зонт.

И вот полк собрался. Командиры выстроили своих бойцов и подсчитывали потери. Они оказались не столь велики, как предполагалось, – всего десять процентов личного состава. Зато было уничтожено большое количество оружия, грузовиков, гужевого транспорта.

Иван ждал чего угодно, даже трибунала, за то, что увел в лес людей, не дав им возможности расхватать из оружейек винтовки, в результате чего многие теперь безоружны. Но командир полка объявил:

– Выношу благодарность за решительные и правильные действия. Сохранили личный состав. Оружие – дело наживное.

Прискакал вестовой из дивизии с приказом выдвигаться к населенному пункту Вольск...

Последующие дни слились в наполненное свинцовой тяжестью месиво из грохота, крови. И главное – неразберихи.

Дороги были запружены военными. Тянулись и гражданские, на подводах или пешком уходя от войны. Витали дикие слухи, что немцы вокруг и скоро всем конец.

По пути попадались брошенные неповрежденные советские танки без горючего и боекомплекта. Разбитые автома-

шины. И тела, тела, тела. Ими были устланы безысходные дороги лета 1941 года.

Через два дня колонну полка на марше накрыли проклятые самолеты, с жадным воем пикирующие на цель. Чпоканье пуль, ржание лошадей, крики боли и взрывы, бесполезные пулеметные очереди с земли по стервятникам.

На той пыльной дороге погибло немало военнослужащих полка. Несколько десятков просто исчезли – дезертировали. Страх – это такая сволочь, которая, если дать ему волю, может задушить в человеке человека.

– За попытку дезертирства или перехода на сторону врага – расстрел на месте! – приказал комполка на привале.

Еще через день полк впервые столкнулся с сухопутными немецкими частями. Фашистские танки налетели на арьергард колонны и устроили страшное побоище.

Пехотинцы гранатами подорвали один танк и повредили второй. Да еще артиллеристы с противотанковой пушкой, удачно присоседившиеся к колонне, сделали свое дело и подбили еще танк и два бронетранспортера. Оставшиеся на ходу бронемашины повернули назад.

В бою с танками погиб командир третьей роты, отличный грамотный служака. И Иван стал командовать ротой, от которой осталось чуть больше взвода.

Немцы уцепились за них. Над колонной теперь реяли самолеты-разведчики. Один раз появились бомбардировщики, но отбомбились вяло, без результата. Однако у Ивана закра-

дывалось подозрение, что захлопывается капкан.

К полку стали прибиваться солдаты и офицеры из других частей. Рассказывали о разгромах, окружениях, хаосе. И о том, что надо спешить, чтобы не оказаться в полном окружении.

Окружение – страшное слово. Сдавленные со всех сторон стальными клиньями, лишённые координации и информации, исчерпав боеприпасы, красноармейцы сдавались тысячами.

Полковые разведчики, двигавшиеся на легкой бронированной машине и пытавшиеся оценить оперативную обстановку, сообщили, что справа путь закрыт, там крупные немецкие соединения. Сзади тоже поджимают. Но дорога на Вольск пока свободна. Воссоединение с другими частями дивизии предоставит полку возможность дать немцам хороший бой, попытаться выровнять линию фронта и залатать прорыв. Или хотя бы выйти из окружения. Но для этого нужно немного – преодолеть эти километры. Пешком оторваться от механизированной группы немцев.

На привале на рассвете комполка вызвал Ивана. Оглядел его устало с ног до головы. И сказал:

– Вильковский. Ты образцовый красный командир. С тебя портреты писать. Вот и посмотрим, ты только служить можешь или умереть за Родину готов.

– Умереть – дело нехитрое, товарищ подполковник. Я за Родину и выжить готов, чтобы врага бить, пока из него весь

дух не выйдет.

– Говоришь складно. На деле поглядим... Хотя бы день форы нужен. Нам надо оторваться и воссоединиться с дивизией. А по пятам идет немец. Придержи их до вечера. Потом отходи.

– Есть...

Глава 11

Мутное зеркало занимало полстены тесной комнаты. Смотря на свое отражение в ладно сидящей немецкой военной форме, с погонями обер-лейтенанта, Дантист невольно приосанился. Его охватило волнующее чувство принадлежности к великой силе, от поступи которой содрогается земной шар. Угораздил его бог родиться украинцем, а не немцем. Даже если Германия даст состояться украинскому государству, то только как поставщику пушечного мяса. Украинцы так и останутся холопами – теми же, кем были при поляках. А эта форма – знак принадлежности к истинным хозяевам. Точнее, иллюзия принадлежности, поскольку украинская кровь не позволит ему стать настоящим господином нового мира. Но иллюзия восхитительная. Скорее всего, подобные чувства испытывают и другие его соратники, вошедшие в украинские части вермахта.

На собраниях верхушки ОУН давно муссировался вопрос о вооруженных силах грядущего великого и свободного украинского государства. Три месяца назад в выступлении перед соратниками в Кракове Бандера открыто заявил:

– Мы готовы поставить свое войско в войне против Москвы, если Германия официально подтвердит независимость Украины и представит нас своим союзником.

Немцы согласились. В грядущей войне они нуждались

в опоре на украинских националистов и готовы были подтвердить что угодно. Хорошо изучив гитлеровцев, Дантист считал, что они занимаются манипуляциями и в определенный момент все эти договоренности выбросят на свалку. Но руководители ОУН были воодушевлены. Особенно после встречи с руководителем абвера адмиралом Канарисом, на которой тот официально объявил о формировании украинского легиона в составе вермахта из членов ОУН и им сочувствующих. Этот легион пока что был представлен батальонами «Нахтигаль» и «Роланд», которые оуновцы гордо именовали группами «Север» и «Юг».

«Нахтигаль» был ориентирован на диверсионную работу в составе полка «Бранденбург». Набор добровольцев проходил в Кракове, подготовка осуществлялась в городе Кринице.

Командовал батальоном немец. Заместителем от ОУН стал новоиспеченный капитан вермахта Роман Шухевич, старый знакомый Дантиста, освобожденный немцами из польской тюрьмы, где сидел за соучастие в убийстве министра внутренних дел Польши. Вместе занимались экспроприациями, провели немало операций, в том числе нападения на почтовые повозки, Народный банк в Бориславе. Шухевич являлся одним из инициаторов раскола Организации и теперь руководил Галицийским проводом ОУН (Б), то есть отвечал за всю Западную Украину. Сам он никогда в пекло не лез, собственными идеями не блистал, но был завзятым

хитрецом и карьеристом, любителем выдавать чужие идеи за свои и списывать свои неудачи на других. Дантист стал у него помощником по общим вопросам – фактически от СБ ОУН отвечал за лояльность личного состава, борьбу с происками врагов, саботажем и малодушием.

Дантист с головой погрузился в работу по формированию «Нахтигаля». Он считал, что подразделение должно состоять из людей не только верных, но и готовых на все. Потому что в Галиции с началом войны работа предстоит грязная, не для сентиментальных слюнтяев. И ему казалось, что он подобрал настоящих волков.

Ходить за линию границы Дантист перестал. Но куратор загрузил его новой задачей. Составить «Список лояльности» – то есть перечень лиц на территории Западной Украины, активно сотрудничавших с Советами, имевших коммунистические убеждения и подлежащих уничтожению.

Работа оказалась неожиданно сложной. Из-за линии были доставлены обобщенные списки, но они были куцые, в них угадывалось стремление авторов под шумок свести счеты с личными врагами. Пара списков вообще не дошла.

Майор Кляйн на встрече в излюбленном офицерском ресторане в Кракове выразил свое недовольство:

– Неужели вы не в состоянии справиться с элементарной задачей?

– Все равно эти списки будут страдать неполнотой, – отметил Дантист. – Слишком много врагов и перевертышей по-

явилось при Советах. Разберемся на месте. Ведь скоро мы получим эту возможность?

– Вы слишком любопытны, пан Станислав, – благодушно ухмыльнулся куратор.

И вот долгожданный день настал. Вечером 21 июня группу из трех десятков особо квалифицированных боевиков под руководством Дантиста переодели в советскую военную форму и вывезли в приграничную зону.

Дантист видел танки, артиллерию, деловитых, собранных непобедимых немецких воинов, захвативших половину Европы и готовых к новому штурму. В прикрытой маскировочной сеткой траншее пожилой высокомерный полковник вермахта поставил перед диверсионной группой «Нахтигалья» боевую задачу: «При начале огневой подготовки преодолеть границу в доступном месте. Пешком выдвинуться на пять километров в глубь советской территории. Захватить у села Липятка автомобильный мост, по которому планируется переброска германских частей. Уберечь его от взрыва. Встретить немецкие войска».

Дантист выслушал приказ с кислой миной на лице. Стандартная и очень опасная диверсионная акция. Неужели кураторы из абвера ценят его так невысоко, что бросают на самоубийственное задание?..

И вот война началась. Как и положено – с артподготовки и массированных авианалетов. Когда группа начала движение, Дантист был уверен, что из этой передраги живым не выйти.

Однако все прошло на редкость гладко. Границу диверсанты преодолели без труда – русские никак не могли не только собраться, но и сообразить, что происходит. По дороге их один раз окликнули танкисты из батальона, двигавшиеся в сторону границы, ставшей теперь линией фронта. Заместитель Дантиста по кличке Ломак на чистейшем русском ответил по легенде:

– Передислоцируемся согласно приказу командира тридцать первого стрелкового полка.

Вопросов у танкистов больше не было.

К цели подошли без проблем. Дантист наорал на часового, стоявшего перед мостом и требующего пароль и пропуск:

– Немцы там! Нужно готовить мост к взрыву! Под трибунал пойдешь!

Еще непуганые были солдатики. Выскочил их командир – нескладный увалень, на петлицах которого светились три треугольника старшего сержанта. Еще двое бойцов высунулись с любопытством из укрытий. Тут их и сняли диверсанты несколькими меткими выстрелами.

– Ну прямо как с детьми воевать, – с долей разочарования произнес Ломак.

Небо было черным от немецких самолетов, и Дантист восхитился и устрасился – какая же силища идет напролом. У Советов нет шансов.

Через час к мосту на полуторке подкатило подразделение русских – саперы, которым было приказано взорвать мост.

Их подпустили поближе. И пока Дантист мерялся с ними полномочиями, его подчиненные заняли позиции и перестреляли гостей из укрытия. Однако саперы хоть и были тоже необстрелянные, но в скоротечном бою умудрились застрелить бойца «Нахтигалья». Ну и господь с ним.

Больше никто диверсантов не беспокоил. Потом появились немецкие танки. При их подходе Дантист выпустил две ракеты – зеленую и красную, означавшую «свои».

Немецкие войска продвигались вперед стремительно, танковыми ударами рассекая советскую оборону и устраивая окружения. А группа Дантиста на любезно предоставленном ей армейским командованием грузовике «Шкода» нагнала на марше батальон «Нахтигаль», продвигавшийся к Львову.

Глава 12

Рядовой Сасько представлял собой жалкое зрелище. Стоя на коленях и размазывая грязной рукой струящиеся по жирным щекам слезы, он причитал:

– Простите, люди! Бес попутал! Страшно стало. Но pozor – он хуже! Искуплю! Костями лягу!

Иван глядел на него, прищурившись, сжимая рукоятку командирского ТТ, и все не решался выстрелить. Хотя по всем правилам, да и по совести пуля давно должна была поставить точку в этой омерзительной сцене.

Иван поднял пистолет. И Сасько заткнулся. Осунулся. На его лицо легла тень неминуемой смерти. Здесь, на разъезде в белорусском Полесье, ему предстояло погибнуть. Свой приговор он прочитал в глазах лейтенанта, а зрачок пистолетного ствола свидетельствовал, что обжалования не будет...

Так уж случилось, что судьбы полусотни людей сошлись на этом безымянном разъезде. Никто из присутствующих не испытывал особых иллюзий. Остаткам третьей роты предстояло принять здесь смерть в бою с превосходящими силами противника, чтобы дать возможность жить другим.

Для прикрытия отхода Ивану в подчинение дали остатки роты, правда без офицеров и нескольких отделений, и противотанковое орудие с расчетом. Полк ушел, и в душе Ивана зазвенело пронзительное одиночество. Скорее всего этот

разъезд – последнее его пристанище. Но для этого и надел он форму, чтобы при необходимости отдать за Родину жизнь... Но отдавать рановато. Еще повоюем!

У Ивана были живое пространственное воображение и талант видеть перспективу боя. И сейчас, по логике, а то и по интуиции, он расположил огневые позиции бойцов, а также артиллерии – единственной пушки с пятнадцатью снарядами.

– Окапываемся глубже! – понукал он подчиненных. – Не жалеем себя! Враг нас не пожалеет!

Простая солдатская правда – чем глубже копаешь окоп, тем меньше шансов, что закопают тебя. Жизнь бойца часто зависит не от того, насколько он метко стреляет, а от того, как глубоко окапывается. Раз, два – летит пропеченная зно-ем почва. Бойцы копают траншеи, которые вскоре для многих из них станут могилами.

Ядро небольшого отряда составлял взвод под командованием Ивана. В самые тяжелые моменты он продемонстрировал правильность слов Суворова – тяжело в учении, легко в бою. Благодаря дисциплине и слаженности большинству его бойцов удалось уцелеть в боях и на марше.

Если своих бойцов Иван знал как облупленных, то за чужих поручиться не мог. Поэтому выстраивал позиции так, чтобы на всех направлениях были его люди, на кого он мог положиться. И это помогло избежать проблем еще до начала боя.

Когда с окопами и маскировкой было покончено и Иван

объявил отдых, к нему подошел смущенный красноармеец Гурьев – кряжистый деревенский парень, обладавший незаурядной силой и уравновешенным характером.

– Товарищ лейтенант. Тут такое дело...

– Не тяните, товарищ красноармеец. – Иван смочил потрескавшиеся губы водой из фляги и вытер пот. – Докладывайте.

Гурьев покраснел еще больше. Потом выпалил:

– Сасько Дмитро, из третьего взвода. Он своих подбивает к немцу перейти. Говорит, командиры-коммунисты нас бросили. Листовку показывает. Ну, из тех, что с самолета сбрасывали: «Бей жида политрука, морда просит кирпича». Там еще курево и жратву обещают.

– Так, значит, – кивнул Иван и легко поднялся с земли.

– Только получается, я как бы донес.

– Как бы? Нет, товарищ красноармеец. Вы раскрыли изменника и предателя. Если бы не сделали это, сами были бы таким же.

– Дык я в понимании...

Иван выстроил подразделение. Остановился напротив пузатого, ширококостного Сасько, призванного в сороковом году из Днепропетровска, уже не мальчика, лет двадцати шести. Приказал:

– Дайте винтовку.

Сасько протянул оружие, сжав на миг, будто не хотел отдавать. Иван передал оружие сержанту Богатыреву.

– Теперь, Сасько, снимайте сапог.

– З-зачем? – красноармеец икнул.

– Я приказываю. Ну, быстро!

Красноармеец стянул правый сапог. Потом левый. Иван взял его, встряхнул. Оттуда выпала мятая листовка – все, как и говорил Гурьев.

– Значит, к немцам собрался. За шнапсом и сигарами, – угрожающе произнес Иван и вытащил из кобуры свой ТТ. – Рота, смирно. За измену Родине, в связи с тем, что нам далеко до особого отдела и трибунала, данной мне трудовым народом властью приговариваю красноармейца Сасько к расстрелу!

А дальше начался театр драмы и балета. Сасько ползал на коленях. Умолял простить дурака. Обещал искупить кровью, с честью погибнуть во имя народа и партии. И Иван ощущал, что решимость его тает, – он не сможет выстрелить в этого слизняка.

Наконец лейтенант убрал пистолет в кобуру и кивнул:

– Кровью искупишь.

И в глубине души понимал, что не прав. Но сделать с собой ничего не мог.

Перед началом боя Иван приказал присматривать за трусом и в случае чего ликвидировать без всякой жалости.

– Сделаем, в лучшем виде, товарищ капитан, даже свистнуть не успеет, – сказал балагур и заводила отчаянный командир отделения Богданов.

Бой начался в шестнадцать двадцать. По дороге проскочили два мотоцикла – передовой дозор. Их ничего не насторожило, замаскировавшихся красноармейцев не увидели. Потом послышался гулкий рокот десятков моторов. Показалась колонна – несколько танков, бронетранспортеры с пехотой, мотоциклы с пулеметами. Какой-то утробный, жадный рык. Ощущение, будто движется железное животное, которое хочет жрать.

Иван отдал приказ не стрелять.

Расстояние сокращалось. Весь в зеленых ветках, похожий на лешего, затаившись в кустарнике, лейтенант терпеливо ждал. Сидевшие на броне немцы для профилактики дали очередь по кустарнику – слава богу, никого не задела, хотя пули прошли совсем рядом.

Сквозь рокот пробивался тонкий звук губной гармошки. Немцы расслаблены – развлекаются, твари. Ну, ничего, аккомпанемент сейчас будет знатный.

Поймав на мушку мотоциклиста, Иван задержал дыхание и плавно вдавил спуск. Грохнул выстрел – мотоцикл вильнул, перевернулся. Следующий за ним железный конь едва не вылетел с дороги, пытаясь обогнуть невезучего собрата. Залпом с него снесло и водителя, и пассажира.

Немцы на ходу спрыгивали с брони, огрызаясь огнем. Танк замедлил ход, разворачивая пушку, – у Ивана екнуло в груди. Ему показалось, что зев ствола смотрит прямо на него.

Грохнуло. Танк дернулся и остановился. Из него повалил дым, выпрыгнули танкисты – их уничтожили дружным огнем.

Отлично отработала противотанковая пушка!.. Она грохнула еще раз...

Иван до хрипоты орал, отдавая команды. Немцы поняли, откуда бьют, и двинули цепочкой, перебежками к лесу, под прикрытием пулеметов. Но тут по фашистам врезали с другой стороны дороги.

Артиллеристы под шумок перетащили на руках пушку на запасную позицию. И подбили БТР, повредили башню еще одному танку.

Легкий танк Т-2 рванул на всех парах вперед, и артиллеристы достать его уже не могли. Тогда из укрытия вынырнул пехотинец, швырнул связку противотанковых гранат. Был срезан очередью, но танк застыл с исковерканной гусеницей.

Бой зажил по своим законам. Низко стлался дым от разбитой техники. Стоял грохот взрывов и очередей. Валились раненые и убитые. Горела сухая трава. Прицельным пушечным огнем немцы смели расчет противотанковой пушки – жалко ребят, героически сражались! Задымил еще один БТР.

Немцев было много. Очень много для небольшого красноармейского отряда с замолкшей пушкой. Но отступить было нельзя. Приказ – держать разъезд до вечера.

Немецкая колонна встала, не пытаясь больше прорваться вперед. И вдруг начала пятиться. Танки разворачивались,

вода из стороны в сторону пушками.

– Вот те, бабушка, и дедушкина клюка! – воскликнул сержант Богатырев. – Они уходят!

Немцы и правда ушли. Отступили. Надолго? Вряд ли. Вернутся с авиацией, артподготовкой.

Солнце закатилось. Иван посмотрел на часы.

– Сегодня можем их не ждать, – со знанием дела заявил Богатырев. – Немец по ночам не воюет.

Переключка. Откликнулось около половины личного состава. Значит, вторая половина полегла. Но боевая задача выполнена.

– Собираем трофеи. Оружие, боеприпасы – кто сколько унесет, – отдавал распоряжения Иван. – Подбираем всех раненых. И выдвигаемся в сторону наших войск – медлить нельзя. Иначе попадем в кольцо... А где Сасько?

Сасько в строю не обнаружился. Не нашли его и в окопах – ни живым, ни мертвым. Зато в окопе лежал труп сержанта Богданова, которого поставили присматривать за днепропетровским парнем, – застрелен он был в спину.

– Сасько убег, – с обидой воскликнул сержант Богатырев. – Богданова, такого парня, убил и убег, вражина!

Иван проклинал себя за то, что сразу не пристрелил негодя. И поклялся себе никогда больше не жалеть предателей, не верить их словам. Ведь мерзавцы умеют так хорошо говорить лживые слова, оправдываться и пускать горячие слезы...

Глава 13

Дантист ожидал, что за Львов разгорится ожесточенная схватка и часть батальона «Нахтигаль» ляжет еще на подступах. Но, пережив массированную артподготовку, избегая окружения, Красная армия ушла, фактически сдав без боя ключевой город Западной Украины.

И вот Дантист в строю бравых солдат Украинского легиона, четко печатая сапогами шаг, ступил на вековую брусчатку священного города. Он с болью видел следы недавних бомбардировок – разрушены прекрасные старые дома, выбиты стекла. Валялись на асфальте содранные портреты Ленина и Сталина, которые горожане самозабвенно топтали ногами. Местами висели обрывки большевистских плакатов. Вывески советских учреждений еще содрать не успели.

На улицах царил праздник. Девчушка в народном украинском наряде с венком на голове вручила идущему во главе колонны Дантисту огромный букет полевых цветов. Из толпы полетели еще букеты.

Львов захвачен. Начался отсчет нового времени для Западной Украины.

Батальон «Нахтигаль» первым делом взял под контроль здания ратуши, собор Святого Юра. Шухевич тут же установил связь с подпольными активистами ОУН, которых во Львове насчитывалось больше тысячи, и донес до них, что

настала пора устанавливать свои порядки и формировать украинские органы власти. Свободных от службы воинов батальона развели в заранее присмотренные казармы в двух точках, фактически взяв Львов в клещи.

На следующий день, 30 июня, Дантист в качестве участника национального собрания развалился в мягком кресле в зале здания общества «Просвита» на Рыночной площади. Там под бурные аплодисменты и радостные крики было зачитано письмо находящегося сейчас в Кракове Бандеры о провозглашении самостийного Украинского государства и создании национальной армии. Во Львове начинал работу Национальный совет, к которому переходила вся полнота власти на освобожденной от коммунистов территории.

Дантист не знал, радоваться ему или плакать. Вроде бы самостийная Украина была его целью и мечтой. Но он понимал, что без немцев она ничто. А этот демарш? Хорошо, если он согласован с Германией. А если нет? Что это, как не самоубийство?

Вечером он держал свечку вместе с лидерами ОУН в кафедральном соборе. Духовный глава и активный сторонник независимости Украины митрополит униатской западноукраинской церкви Шептицкий служил молебен в честь освобождения Львова от «дьявольской власти Советской России» и создания свободного государства.

В городе из активистов ОУН и им сочувствующих активно создавались органы местного самоуправления и подразделе-

ния национальной милиции. Все улицы заполнили граждане в костюмах, сапогах, с винтовками за плечами и белыми или желто-синими повязками на руках. Была раскрепощена творческая энергия масс, выплеснувшаяся в многочисленных собраниях и митингах во славу Единой Украины с последующим кровавым праздником.

Странная эйфория, развеселое состояние, когда море по колено и хочется сотворить такое, чтобы небеса вздрогнули, овладела массами украинцев. Их было в городе пятнадцать процентов, но они знали, что пришла их власть. Пришло время сводить счеты.

Прозвучали на очередном уличном сборище роковые слова:

– НКВД перед уходом задержанных украинцев расстрелял! Жидобольшевики виноваты! А их пособники жида ходят и улыбаются! Бей!!!

Начались погромы. Соседи сдавали евреев. Ни в чем не повинных людей побивали камнями. Женщин раздевали догола и таскали за волосы по брусчатке. Над несчастными глумились, заставляя на коленях мыть тротуары. Стариков забивали ногами насмерть. Многовековая злоба выплескивалась на поляках и евреях. Трупам были завалены улицы. Сотни горожан отвели на территорию тюрьмы и там расстреляли. Все эти бесчинства тщательно фиксировали на пленку немецкие фотографы.

За первые дни оккупации во Львове были убиты тысячи

горожан. Командование «Нахтигалья» старалось держать своих бойцов в казармах. Активисты же ОУН работали всюду – подталкивали народ к бесчинствам.

Гитлеровцы этому народному гулянью не мешали. Их патруль обычно спокойно проходил мимо толпы, забивающей насмерть очередных евреев.

Первого июля появились листовки от имени коменданта города, извещавшие жителей, что за любые попытки нападения на немецких солдат и офицеров будут расстреляны представители гражданского населения Львова. Запрещались собрания и демонстрации, выезд из города и въезд в него без специального разрешения. Предписывалось сдать радиоприемники, разоружиться. Также был установлен комендантский час с 22 до 8, а для евреев с 20 часов.

Второго июля под предлогом обеспечения батальона провизией Дантиста вызвали в комендатуру. Там его ждал куратор.

– Вот теперь начинается настоящая работа, – сообщил майор Кляйн. – Сейчас ваш народ немножко выпустит пар, перебив сгоряча пару тысяч евреев, что вполне укладывается в нашу политику. А потом будет наведен истинный порядок.

– А что с провозглашением независимости? – напряженно спросил Дантист.

– Герр Бандера немножко погорячился. Сейчас решается, что делать с его инициативой. Но вас должно волновать другое. Списки, пан Станислав. Списки... Те, что вы представи-

ли, куцые. Обратите больше внимания на интеллигенцию. И не спите на ходу. Нам предстоит тяжелая работа. Но именно сейчас мы закладываем фундамент векового благоденствия и порядка.

Представители местного ОУН обещали в ближайшие дни серьезно пополнить списки неблагонадежных. А еще Дан-тист получил весточку от студентов-оуновцев Краковского университета, раньше обучавшихся во Львове и бежавших при приближении Советской армии в 1939 году. Они дали исчерпывающие характеристики на преподавателей местных высших учебных заведений – там были евреи, польские националисты, те, кто принял власть большевиков и агитировал за нее, противники Германии.

На следующий день в том же кабинете Кляйн листал новые списки, удовлетворенно цокая языком. Потом отодвинул их и сообщил:

– Да, работы прибавилось. Но это святое очищение. С сегодняшнего дня начинаем специальные мероприятия. В город прибыла айнзатцкоманда «Ц», задача которой избавить Львов от функционеров партийных, советских и государственных органов, коммунистов, евреев. Ваши люди обязаны оказать ей помощь. Это не обсуждается. Выберите самых верных и наименее брезгливых. Сто человек будет достаточно. Ваше командование в курсе. А сейчас нанесем визит вежливости и обсудим детали.

Руководитель команды «Ц» бригаденфюрер СС Отто Раш

встретил их в просторном кабинете с тяжелой мебелью в бывшем здании НКВД на улице Пелчинской. Высокий, короткостриженный, он был похож на глубоководную рыбу совершенно равнодушным холодным взглядом, который не встретишь у теплокровных.

– У меня две зондеркоманды из нескольких сотен доблестных воинов СС. И команды полевой жандармерии, – процедил он сквозь зубы. – Но это ваш город, и неправильно, если вы не будете принимать участие в установлении здесь порядка. Вы согласны?

– Согласен, – кивнул Дантист, у которого от холодного взгляда собеседника пробежали мурашки по коже. И так ясно, что от мероприятий не отвертеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.